

**АЛЛА
ЯСНАЯ**

**ТЕ, КТО
СЛЫШИТ
КАБАРГУ.**

Алла Ясная

Те, кто слышит кабаргу

«Автор»

2026

Ясная А.

Те, кто слышит кабаргу / А. Ясная — «Автор», 2026

В детстве Аня думала, что все слышат шорох чужих мыслей под кожей, сдавленный крик за улыбкой прохожего. Потом поняла: слышит только она. В ту ночь на окраине города, когда небо набрякло дождем, Аня услышала самое страшное. Там, за пустырем, кто-то умирал. Кричал так, что у нее из горла пошла кровь. Она очнулась на холодном полу, с лицом, разодранным ногтями. Голоса замолчали. Впервые в жизни. Но теперь молчит и она сама. Мать везет ее к шаману в тайгу. Говорят, старик знает, как вытащить то, что поселилось внутри. То, что смотрит черными глазами, боится света фар и по ночам дышит в такт с лесом. Аня не знает, кто теперь она — девушка, разорвавшая себе лицо, или тот зверь, что умер на трассе, но так и не ушел. Говорят, кабарга — не просто олень с клыками. Она — эхо боли, которую люди побоялись выплакать сами. Если ты услышал ее крик, она найдет тебя. Даже если ты больше никогда не скажешь ни слова.

© Ясная А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Те, кто молчат в ночи	5
Глава 1. Голоса под кожей	6
Глава 2. Кричащая тишина	10
Глава 3. Тот, кто видит сквозь	21
Глава 4. Тени прошлого	30
Глава 5. Плачь по тени.	38
Глава 6. Кровь на снегу	48
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Алла Ясная

Те, кто слышит кабаргу

Пролог: Те, кто молчат в ночи

В истоках Хемчика, там, где Саяны перестают быть просто горами и становятся богами, сложенными из камня и векового льда, старики до сих пор шепчут внукам одну историю. Ее не рассказывают громко, потому что ветер слушает. Ее не поют под бубен, потому что огонь запоминает.

Они говорят, что мир не делится на живых и мертвых. Мир делится на тех, кто говорит, и тех, кто слушает. А есть еще третьи. Те, кто слышит неправильно.

В этих горах живет зверь. Кабарга. Сибирский олень с клыками, как у тигра, но с душой, тонкой, как первый лед на ручье. Сама природа ошиблась, создавая ее: травоядному дала оружие хищника, а хищнику — беззащитность детеныша. Кабарга не ревет, она свистит, тонко и жалобно, когда боится. А боится она всегда.

Шаманы говорят, что в кабарге живет не дух, а эхо. Эхо чужих мыслей, чужих слез, чужой боли, которую люди побоялись выплакать сами. Когда кабарга умирает, особенно страшно, особенно в темноте, это эхо ищет новый дом. Оно ищет того, кто умеет слышать слишком хорошо. Или того, кто умеет кричать слишком громко, но только внутри себя.

В тот вечер, когда все случилось, над хребтом Догой стояла тишина. Но тишина в горах никогда не бывает пустой. Она ждала.

Глава 1. Голоса под кожей

Аня ненавидела слово «тишина».

Врачи в санатории, куда мать запихивала ее каждое лето, говорили: «Тебе нужно учиться слушать тишину, Аня. Там, внутри тишины, покой». Они были дураками. Тишина — это самое громкое, что есть на свете.

Сейчас, стоя на остановке на окраине города, под низким, набрякшим дождем небом, она понимала это особенно остро. Город шумел, но городской шум был как вата в ушах. Машины шуршали по асфальту, как мыши по стекловате. Люди говорили, но Аня слышала их ртами.

В том-то и была проблема. Вернее, одна из проблем.

Она всегда слышала слишком много. В детстве она думала, что все люди такие. Что можно стоять в очереди в поликлинике и отчетливо понимать, что тетка в синем пальто на самом деле кричит, хотя ее губы сжаты в нитку. Что мальчик, ковыряющий в носу, зовет маму, хотя он просто смотрит в стену.

Потом она поняла: так слышит только она. Она слышит не слова. Она слышит мысли. Но не те мысли, которые люди думают про себя. Нет. Это было бы слишком просто и, наверное, слишком интересно. Она слышала мысли, которые люди никогда бы не подумали. Мысли, которые они прятали так глубоко, что сами о них забыли. Они выходили наружу не через рот, а как-то иначе. Сквозь кожу, сквозь поры, сквозь тишину между ударами сердца.

И эти мысли звучали.

Вот женщина в маршрутке поправляет прическу. А Аня слышит голос: «Сдохни. Сдохни. Сдохни, кривая морда, зачем ты смотришь на меня». Но женщина просто улыбается и поправляет челку.

Вот мужчина покупает хлеб. А под этим — визг: «Холодно. Ноги отнимаются. Я умру сегодня вечером, и никто не придет». Мужчина берет сдачу, прячет кошелек и идет домой, к жене и детям.

Аня не могла это контролировать. Голоса приходили волнами. Иногда тихо, иногда — накатывали, как приступы мигрени. Санатории помогали слабо. Врачи ставили то «тревожное расстройство», то «сенсорную гиперстезию», то «шизотипическое расстройство». Пилили таблетками. От таблеток голоса становились ватными, далекими, но она все равно их слышала. Просто ей становилось все равно. А потом проходило, и голоса возвращались, злые оттого, что их игнорировали.

Сейчас, в октябре, она сбежала из очередного санатория. Не выдержала. Сбежала вечером, без денег, без телефона (выбросила в сугроб, потому что телефон тоже шептал), и теперь тряслась на этой проклятой остановке, пытаюсь вспомнить, где живет ее школьная подруга, которая когда-то обещала приютить, если что.

Подруга жила где-то здесь, в частном секторе на выезде из города. Аня помнила только название улицы — Заречная. А автобусы сюда ходили редко.

Она села на холодную металлическую скамью. Дождь прекратился, но воздух стал таким плотным и влажным, что его можно было жевать. Начинало темнеть. Октябрьское солнце не садилось, а проваливалось куда-то под землю, размазывая по небу грязную оранжевую слизь.

И тут они начали.

Сначала зашептал фонарный столб. Нет, не сам столб, конечно. Просто рядом с ним стоял парень в капюшоне, ждал чего-то. Аня не смотрела на него, но голос ударил в уши, холодный и четкий:

«Разрезать. Тонко, как лук. Сначала сухожилия под коленями, чтобы не убежала. Потом шею. Она тонкая. Я могу задушить ее одной рукой. Интересно, захрустит?»

Аня вздрогнула и вжала голову в плечи. Она знала, что парень не опасен. Что этот голос — просто шум, просто эхо какого-то фильма, или книги, или просто темноты в его собственной голове, которую он сам не осознает. Но слышать это было невыносимо.

Она встала и пошла вдоль дороги, подальше от него. Гравий хрустел под ногами. Стеннело совсем. Фонари здесь горели через один, создавая коридоры из желтого света и чернильной тьмы.

Она свернула не туда. Зашла в какой-то тупик, упирающийся в пустырь, за которым чернел лес. Вдалеке, на объездной трассе, гудели редкие фуры. Свет их фар на миг выхватывал из темноты мокрый асфальт, и он блестел, как спина огромного червя.

Аня поняла, что заблудилась. Холод пробрался под легкую куртку. Паника подкатила к горлу кислым комком.

И тут она услышала это.

Сначала ей показалось, что зашептал лес. Но лес молчал. Тогда она подумала, что это ветер. Но ветер замер. Тишина стала абсолютной, звенящей, как натянутая струна.

А потом струна лопнула.

Голоса. Сотни голосов. Они выли из-под земли, из-за забора, из темноты пустыря. Они не говорили словами. Они кричали болью. Это был хор агонии, записанный на невидимую пленку и прокрученный прямо в ее мозг.

«Помогииии...»

«Больно... Глаза... Глаза вытекают...»

«За что? За что? Я же просто бежал...»

«Сломали... Все сломали... Кровь во рту...»

Аня зажала уши ладонями. Но голоса были внутри. Они раздирали череп изнутри. Это было сильнее, чем обычно. Это был не один человек. Это было что-то большое, живое и умирающее.

Она упала на колени прямо на мокрый гравий. Ее вырвало желчью. Перед глазами плыли круги. Самый громкий голос, перекрывающий остальные, был не человеческий. Он был тонкий, свистящий, похожий на плач ребенка, которого режут. Он бился в ее сознании, как птица в клетке.

А потом — удар.

Далекий, глухой удар с трассы. Визг тормозов. И тишина.

Голоса в голове Ани оборвались все разом. Как будто кто-то щелкнул выключателем. Стало пусто и звонко. Так пусто, что заложило уши.

Аня сидела на коленях, глотая воздух, по щекам текли слезы и сопли. Дрожь пробирала до костей. Она смутно осознала, что, кажется, прямо сейчас, на той трассе, что за пустырем, случилась авария. Кого-то сбили.

Она поднялась. Ноги не слушались. Мысль была одна: домой. К маме. К таблеткам. К тишине, пусть даже под таблетками.

Она побрела назад. Как нашла дорогу — не помнила. Ноги принесли ее к облезлой пятиэтажке на соседней улице, где когда-то жила бабушка. Квартира пустовала, мать оставила ключи, велела присматривать. Это был ее единственный шанс на ночлег.

Лифт не работал. Она поднялась на пятый этаж пешком, хватаясь за перила. В коридоре пахло кошками и капустой. Она открыла дверь трясущимися руками, вошла в темную прихожую, заперлась на все замки.

Квартира встретила ее запахом пыли и заброшенности. Аня не стала включать свет. Прошла в комнату, села на пол перед большим трюмо с мутным старым зеркалом. Луна, вынырнувшая из туч, тускло осветила ее лицо.

В зеркале сидела девушка. Бледная, с дикими, расширенными зрачками, с мокрыми от дождя и слез волосами. Губы тряслись.

— Я не хочу... — прошептала Аня. — Не хочу больше слышать.

Голоса молчали. Впервые за много лет в ее голове была пустота. Но эта пустота была страшнее любого крика. Она давила.

Аня смотрела на свое лицо. На щеки, на рот. Ей вдруг показалось, что это не ее лицо. Что оно чужое. Что оно натянуто на череп, как маска. И под этой маской — копошатся те голоса. Они хотят вырваться. Они там, под кожей. Они шевелятся. Она чувствовала их движение.

— Замолчите, — выдохнула она громче.

Тишина.

— Замолчите, я сказала!

Она вцепилась ногтями в правую щеку. Не больно, просто чтобы почувствовать, что кожа есть. Что она отдельно. Что под ней — только мясо и кости, а не этот вой.

Ногти оставили белые полосы, которые быстро налились красным.

— Вы там? — спросила она у зеркала. — Вы там, да?

И в этот момент в глубине пустой квартиры ей почудился звук. Тонкий, свистящий выдох. Как у зверя.

Это подтолкнуло ее.

Она надавила сильнее. Ногти вошли в кожу. Было больно, но это была правильная боль. Настоящая. Она сдирала с себя невидимую пленку, за которой прятались чужие мысли. Она рвала щеку сверху вниз, от скулы к подбородку. Кровь потекла теплая и липкая, заливая шею, капая на белую блузку.

Она не чувствовала боли. Только освобождение. Только злость.

— Я вас выпущу! — хрипела она, впиваясь в другую щеку. — Я вас всех выпущу! Не орите! Не надо! Я вам помогу!

Ногти рвали тонкую кожу. Кровь заливала глаза, рот, подбородок. Вкус железа и соли. В зеркале на нее смотрело чудовище. Красное, разодранное, с белыми полосами мышц и жира.

Она зацепила пальцами уголок губ. Дернула. Треск. Боль пронзила челюсть, ушла в висок. Ей показалось, что она слышит, как рвется не только кожа, но и тишина.

Последнее, что она увидела перед тем, как сознание померкло от боли и потери крови — свое отражение. Рот разорван до ушей, щеки висят лоскутами. Она улыбалась? Кричала? Она не знала.

Аня упала боком на холодный пол, лицом в лужу собственной крови.

В это же самое время на объездной трассе, в пяти километрах от того места, где Аня упала на колени, милицейский УАЗик светил фарами на обочину.

Молодой лейтенант, позевывая, записывал показания водителя фуры. Мужик, трясущийся и бледный, курил одну за одной.

— Я не видел, начальник! Честное слово! Она выскочила из леса, как бешеная! Прямо под колеса! Я даже тормознуть не успел!

— Кто «она»? — устало спросил лейтенант, хотя уже знал ответ.

— Кабарга... Олень такой, с клыками. Тьфу, гадость. Прямо мордой под колесо. Ее отбросило аж на отбойник.

Второй сотрудник, постарше, ветеринар из районной станции, приехавший на вызов, сидел на корточках над тушей. Зверь был еще жив. Глаза, огромные, черные, как две бездны, смотрели в темное небо. Грудная клетка ходила ходуном. Из разбитой морды, сломанной, перекрученной, хлестала кровь. Верхняя челюсть была смята, клыки торчали в разные стороны. Зрелище было жутким. Неживым.

— Добивать надо, — сказал ветеринар. — Мучится.

Он достал нож. Но когда наклонился, зверь вдруг дернулся. Не в агонии, а осмысленно. Его разбитые глаза сфокусировались. Не на ветеринаре, не на лейтенанте. Куда-то сквозь них, в сторону города.

Из разорванной глотки вырвался звук. Не свист, не хрип. А низкий, вибрирующий гул, от которого у ветеринара свело скулы. У лейтенанта потемнело в глазах. Водитель фуры выронил сигарету и зажал уши, хотя звук был негромким.

Гул длился секунду. Потом тело кабарги обмякло окончательно. Глаза остекленели.

Ветеринар перекрестился дрожащей рукой. Он работал тридцать лет, но такого не видел. Ему показалось, что в момент смерти из разбитой пасти зверя вылетело что-то невидимое. Темное, как дым, и острое, как клык. И унеслось туда, к огням города.

Аня не слышала, как открылась дверь в квартире. Не слышала шагов матери, которая, не дозвонившись, примчалась сюда первой. Она не слышала крика, который вырвался из груди женщины, увидевшей дочь в луже крови с разорванным лицом.

Она была глубоко внутри себя.

Ей снилась темнота. И в этой темноте кто-то бежал. Легкий, быстрый, испуганный. Бежал через лес, через ночь, через боль. А за ним гнались. Гнались фары, гнался грохот, гналась смерть. Удар. Хруст. И падение.

А потом она почувствовала, что падает вместе с ним. Что они — одно.

И в этот момент рот ей запечатало чем-то горячим и плотным. Губы склеились, язык онемел, горло сжал спазм.

Она попыталась закричать — и не смогла.

Глава 2. Кричащая тишина

Сознание возвращалось не звуком, не светом и не болью. Оно возвращалось запахом.

Первый запах, который уловил нос Ани, был запах хлорки. Едкий, убивающий всё живое, приторно-больничный. Он смешивался с другим — металлическим, сладковатым, пугающе знакомым. Запах крови. Ее собственной крови, которая, как ей казалось, всё еще текла, хотя прошло уже много часов.

Вторым пришло ощущение белизны.

Она открыла глаза и не поняла, открыла ли их вообще. Вокруг было белое всё. Белый потолок с трещиной в углу. Белые стены, выкрашенные масляной краской, местами облупившейся до желтизны. Белая простыня, жесткая, как накрахмаленная бумага, впивалась в подбородок. И свет. Белый, люминесцентный, гудящий, льющийся из-под потолка и не оставляющий теней.

Аня моргнула. Веки двигались с трудом, как будто их присыпали песком. Она попыталась пошевелить рукой, но рука не поднялась. Не потому, что была парализована. Просто к ней тянулась тонкая прозрачная трубка — капельница. Игла была воткнута в вену на сгибе локтя, и каждый миллиметр этого вторжения чувствовался с кристальной ясностью.

«Где я?» — подумала она.

И тут же поймала себя на мысли, что подумала это слишком тихо. Обычно, когда человек думает, в голове звучит голос. Ее голос всегда был чуть хриловатым, с интонациями вечно уставшего подростка. Сейчас же внутри черепной коробки было пусто. Не глухо, не звонко, а именно пусто. Как в комнате, из которой вынесли всю мебель.

Паника подкатила не сразу. Сначала было недоумение. Она попыталась вспомнить, что случилось. Последнее, что осталось в памяти — зеркало. Свое лицо в зеркале. Свое лицо, которое она... она...

Аня дернулась. Захотела закричать. Захотела позвать маму, позвать кого угодно, позвать хоть кого-то из тех, чьи голоса так бесили ее всю жизнь.

Она открыла рот.

Воздух вышел из легких, прошел через гортань, коснулся голосовых связок... И всё. Тишина. Из рта вырвался не крик, а сип. Тонкий, жалкий, похожий на шипение проколотого мяча. Звук, который не мог сложиться в слово, потому что ему не хватало силы.

Аня попробовала снова. Сильнее. Напрягла мышцы шеи так, что они закаменели. В глазах потемнело от натуги. Из горла вырвалось нечто среднее между хрипом и кашлем — и снова тишина.

Язык. Она ощупала языком небо, зубы, внутреннюю сторону щек. Язык был на месте, подвижный, влажный, послушный. Но когда она пыталась произнести «а-а-а», кончик языка упирался куда-то не туда, или воздух шел не так, или... Она не знала. Ее тело больше не умело говорить.

Дверь палаты открылась без звука. Аня дернулась и уставилась на вошедшую.

Это была женщина в белом халате. Медсестра. Лет сорока, с усталым лицом и крашеными хной волосами, собранными в пучок. В руках она держала лоток с бинтами и какими-то пузырьками.

— Очнулась? — спросила медсестра буднично, даже не взглянув Ане в глаза. — Ну, здравствуй. Натерпелась ты, милая.

Аня замычала. Она пыталась спросить: «Что со мной? Где мама? Почему я не говорю?» Но из горла вырывалось только мычание, низкое, вибрирующее, похожее на звук, который издает раненое животное.

Медсестра подошла ближе, поправила капельницу, проверила трубочку. Потом посмотрела на Аню, и в ее взгляде мелькнуло что-то похожее на жалость, быстро смененную профессиональной отстраненностью.

— Не кричи, — сказала она. — Врачи сказали, ты теперь немая. Нервное, говорят. Психогенное. Голосовые связки целы, а говорить не можешь. Пройдет, может. А может и нет. У Бога не спрашивали. Ты главное не дергайся, а то швы разойдутся.

Швы.

Аня дернулась к лицу руками, но слабая кисть, опутанная проводами, только дернула капельницу. Медсестра цыкнула и придержала ее за плечи.

— Лежи, кому сказала! Всё с твоей мордой будет в порядке. Хирурги молодцы, как пазл собрали. Красавицей не будешь, но жить можно.

Она наклонилась и начала менять повязку на лице Ани. Аня чувствовала, как холодные пальцы касаются лба, щек, подбородка. Чувствовала натяжение ниток, которыми была зашита ее кожа. Чувствовала, как под марлей что-то саднит и зудит, как заживающая рана.

Медсестра закончила, бросила старые бинты в лоток и пошла к выходу.

— Мать твоя в коридоре сидит, — бросила она через плечо. — Второй день. Не спит, не ест. Я пушу ее сейчас, но ты не пугай ее сильно. И не мычи. Молчи уже, раз молчанка вышла.

Дверь закрылась.

Аня осталась одна в белой комнате. Мысли заметались, как птицы в горящем сарае. «Немая. Я немая. Я никогда не заговорю. Мать в коридоре. Швы на лице. Что я наделала? Что я наделала?»

Но посреди этого хаоса, посреди паники и ужаса, вдруг возникло нечто странное. То, что заставило ее замереть.

Тишина.

В ее голове действительно было пусто. Ни одного голоса. Ни шепота из-под пола, ни крика от соседнего пациента, ни бормотания медсестры, которое она должна была бы слышать как подтекст.

Впервые за много лет Аня слышала только себя. Только свои мысли. И эти мысли были... обычными. Человеческими. Простыми.

Она не знала, плакать ей от счастья или от горя. Она лишилась голоса, но обрела тишину внутри. Стоила ли такая сделка того? Стоило ли рвать свое лицо ногтями, чтобы заткнуть этот проклятый хор?

Ответ пришел не изнутри. Снаружи.

В углу палаты, там, где белая стена встречалась с белым полом, что-то шевельнулось.

Аня не повернула голову. Она просто перевела взгляд. Сначала ей показалось, что это игра света, тень от лампы. Но лампы были потолочные, они не давали теней. А это было именно темное. Клочок тьмы, неправильный, плотный, как будто вырезанный из ночного неба и вклеенный в реальность.

Она смотрела на этот клочок, и клочок смотрел на нее. У него не было глаз. Но Аня чувствовала взгляд. Холодный, испуганный и одновременно злой. Взгляд загнанного зверя.

Очертания тьмы менялись. Они вытягивались, приобретали форму. Аня увидела тонкие ноги, подобранное тело, маленькую голову с чем-то странным, выступающим вперед. Клыки? Нет, не клыки. Это были скорее зубы, длинные, торчащие из верхней челюсти вниз, как у доисторического хищника.

Кабарга.

Она никогда не видела этого зверя вживую, только на картинках в энциклопедиях, которые листала в детстве. Но сейчас она знала точно: перед ней стоит кабарга. Прозрачная, сотканная из теней и боли, с разбитой, перекошенной мордой. Та самая, которую сбили на трассе. Та, чья смерть оборвала голоса в ее голове.

Зверь смотрел на нее. Потом, не разжимая пасти, издал звук. Аня не услышала его ушами. Она почувствовала его вибрацию где-то в груди, в самом центре существа. Это был свист, тонкий и жалобный, как у брошенного ребенка. В этом свисте не было угрозы. Была мольба.

«Зачем ты пришел?» — подумала Аня, глядя на тень.

Зверь дернул головой. С его разбитой морды стекло что-то черное, похожее на кровь, но гуще, тягучее, как смола.

«Я не приходил, — раздалось в голове Ани, но это был не ее внутренний голос. Это был чужой голос, беззвучный, но отчетливый. — Ты позвала. Ты открыла дверь».

— Я не звала, — прошептала Аня вслух, забыв, что не может говорить. Но губы ее шевелились, и воздух выходил, и зверь, казалось, слышал.

«Ты рвала свое лицо, — ответила тень. — Ты хотела выпустить боль наружу. Ты открыла рот, и я вошел. Теперь мы вместе».

Аня замотала головой. Нет. Нет, она не хотела этого. Она не хотела ни с кем быть вместе. Она хотела тишины.

«Тишины не бывает, — ответил зверь, и в его беззвучном голосе послышалась грусть. — Бывает только боль. И ее эхо. Я — эхо. Я ношу в себе боль всех, кто кричал, но не был услышан. Ты тоже носила. Теперь мы будем носить вместе».

Зверь шагнул к ней. Аня попыталась отодвинуться, но тело не слушалось. Тень приблизилась, нависла над кроватью, и Аня почувствовала холод. Не тот холод, что бывает от открытой форточки. А тот, что бывает в морге. Холод неживого.

Тень коснулась ее лица. Там, где она прошла по швам, боль утихла, сменилась странным онемением.

«Спи, — сказал зверь. — Тебе нужно много спать. Твое тело слабое. А нам предстоит долгий путь».

Сознание Ани поплыло. Белая комната завертелась, смешиваясь с чернотой. И в последний момент перед тем, как провалиться в сон, она увидела, как тень кабарги втягивается в нее, в ее грудь, под ребра, прямо в сердце. Это не было больно. Это было похоже на глоток ледяной воды в жаркий день.

Она заснула.

Татьяна Петровна сидела на жестком больничном стуле в коридоре вторые сутки. Стул стоял прямо напротив двери в палату интенсивной терапии, и она не отводила взгляда от белой, крашенной масляной краской двери с номером «7», написанным от руки на картонке, вставленной в металлический держатель.

Она не спала. Глаза опухли и покраснели, но слез больше не было. Слезы кончились в первую же ночь, когда ей позвонили из больницы и сказали: «Ваша дочь в реанимации, приезжайте». Тогда она рыдала в такси, потом в приемном покое, потом когда увидела Аню, всю в крови, с лицом, закрытым марлей, похожую на мумию. Потом слез не осталось. Осталась только сухость в глазах и тяжесть в груди, как будто там лежал камень.

Она думала. Думала всё время, прокручивая в голове одни и те же вопросы: «Почему? За что? Где я ошиблась?». Аня всегда была странным ребенком. В три года она могла сидеть в углу и разговаривать с кем-то невидимым. В семь лет она сказала Татьяне: «Мама, папа тебя не любит. Он думает о другой тете». Через год отец ушел к другой женщине. Татьяна тогда испугалась не столько ухода мужа, сколько того, как Аня это сказала. Спокойно, без злорадства, как констатацию факта.

Потом были врачи. Неврологи, психиатры, психотерапевты. Аня росла, и ее «странности» росли вместе с ней. Она слышала голоса? Нет, говорила она, не слышала. Она знала. Просто знала, что люди думают на самом деле. И это знание делало ее замкнутой, злой, нервной. В школе ее травили. Одноклассники чувствовали, что она «не такая», и зверели. Аня отвечала

им молчанием, а потом приходила домой и била посуду. Или резала свою руку тупым ножом, глядя на кровь с каким-то холодным любопытством.

Татьяна возила ее по санаториям, по клиникам, по бабкам-шептухам. Всё было бесполезно. Аня становилась только старше, а ее глаза — только пустее.

И вот теперь это.

Татьяна услышала шаги. По коридору шла медсестра, та самая, что меняла Ане повязку. — Очнулась ваша, — сказала медсестра, поравнявшись с Татьяной. — Можете зайти. Только недолго и без истерик. Ей нельзя волноваться.

Татьяна вскочила, как ужаленная. Ноги подкосились, пришлось опереться о стену. Она толкнула дверь и вошла.

Палата была маленькая, рассчитанная на одну койку. Аня лежала на спине, укрытая тонким одеялом, с забинтованной головой, из-под бинтов торчали спутанные волосы. Глаза ее были открыты. Они смотрели на мать, и в них было что-то новое. То, чего Татьяна никогда раньше не видела. Не пустоту, не злость, не отстраненность. А страх. Настоящий, животный страх.

— Анечка, — выдохнула Татьяна и бросилась к кровати.

Она упала на колени, схватила дочь за руку, свободную от капельницы, прижалась щекой к холодной ладони.

— Анечка, доченька, что же ты... что же ты наделала... Зачем? Зачем?

Аня дернула рукой, пытаясь что-то сказать. Из ее горла вырвался сип. Татьяна подняла голову и увидела, как дочь отчаянно шевелит губами, пытаясь произнести слово.

— Ты чего, доча? Говори тихо, я рядом.

Аня замычала громче, замотала головой, указала пальцем на рот. Татьяна похолодела.

— Ты... ты чего? Аня, скажи что-нибудь. Скажи «мама».

Аня открыла рот. Воздух вышел с шумом. Но звука не было.

— Мама, — повторила Татьяна, уже начиная трястись. — Скажи «мама», Анечка!

Тишина.

Аня смотрела на мать, и по ее щекам, по бинтам, текли слезы. Они размачивали марлю, добирались до швов, щипали раны. Но она не могла даже закричать от боли. Только мычала и мычала, как теленок.

Татьяна поняла. Она отшатнулась, прижала руки к груди.

— Немая? Ты... ты немая? Господи, Аня, ты немая?

Она вскочила и выбежала в коридор.

— Доктора! — закричала она диким голосом. — Доктора! Почему моя дочь не говорит?!

Началась суета. Прибежал молодой врач, за ним медсестры. Аню начали осматривать, заглядывать в рот, светить фонариком в глаза. Аня позволяла всё это делать, не сопротивляясь. Она только смотрела мимо них, в угол палаты, где висела тень. Тень была там. Она ждала.

Врач, пожилой мужчина с усталым лицом и седыми висками, вышел в коридор к Татьяне. Говорил он тихо, стараясь не привлекать внимание других пациентов.

— Понимаете, Татьяна... это сложный случай. Физически ее голосовой аппарат не поврежден. Связки целы, гортань в порядке, нервы работают. Но она не говорит. В психиатрии это называется мутизм. Психогенный мутизм. Часто возникает после сильного стресса, шока. Организм как бы... блокирует функцию речи, чтобы защитить психику от перегрузки.

— Это лечится? — спросила Татьяна, комкая в руках носовой платок.

Врач вздохнул.

— По-разному. Кому-то помогает психотерапия, медикаменты. Кто-то... не заговаривает уже никогда. Но есть еще один момент. Мы провели МРТ, хотели проверить мозг, исключить органику. На снимках увидели странное образование. Не опухоль, нет. Какое-то затемнение,

в стволе головного мозга, в области, отвечающей за... ну, за многое. Мы не знаем, что это. Будем наблюдать.

Татьяна слушала и не слышала. В голове стучало только одно слово: «никогда». Ее дочь никогда не скажет ей «мама». Никогда не позовет на помощь. Никогда не спросит, что на ужин.

Она вернулась в палату. Аня лежала все так же, глядя в потолок. Татьяна села на стул рядом, взяла ее за руку.

— Ничего, доча, — сказала она, и голос ее дрогнул. — Ничего. Мы справимся. Мы всегда справлялись. Я тебя вытащу, слышишь? Я тебя вытащу откуда угодно. Даже из этой тишины.

Аня повернула голову и посмотрела на мать. В ее взгляде была такая бездна боли, что Татьяна едва сдержала крик.

«Мама, — подумала Аня, глядя на мать. — Мама, я не одна. Во мне кто-то есть. Он слышит меня. Он не дает мне говорить. И он смотрит на тебя».

В углу палаты тень качнулась, как от ветра, которого не было.

Прошло три дня.

Аня медленно приходила в себя. Швы заживали, боли становились меньше, врачи разрешили садиться в кровати и даже вставать, чтобы дойти до туалета в сопровождении медсестры. Капельницу убрали, остались только таблетки — антибиотики, успокоительные, витамины. Глотать их было трудно, потому что каждый глоток напоминал, что глотать — это всё, на что теперь способно ее горло.

Она привыкла к тишине в голове. Это было странное привыкание. Словно всю жизнь носила тяжелый рюкзак с камнями, а теперь сняла его и не знала, куда девать возникшую легкость. Но легкость была обманчивой. Потому что пустота быстро заполнялась другим.

Зверем.

Он появлялся каждую ночь. Не сразу, а ближе к рассвету, когда сон становился самым глубоким, а граница между явью и сном — самой тонкой. Аня чувствовала, как он выходит из-под ребер, как расправляет невидимые лапы, как дышит ей в затылок. Он не делал ничего плохого. Он просто был рядом. Смотрел. Ждал.

Аня пробовала с ним разговаривать. Мысленно.

«Кто ты?»

Ответ приходил не словами, а образами. Она видела лес. Густой, темный, еловый, с валежником и мхом. Видела луну, пробивающуюся сквозь ветки. Видела свой бег — легкий, быстрый, почти полет. И страх. Постоянный, фоновый страх. Страх перед светом фар, перед запахом бензина, перед грохотом. И боль. Боль в разбитой морде, текущая кровь, хруст костей.

«Ты умер, — думала Аня. — Тебя сбили. Ты должен уйти. Уйти туда, откуда пришел».

«Я не могу, — отвечал зверь. — Во мне слишком много боли. Она не отпускает. Она привязала меня к этому миру. А ты открыла дверь. Теперь мы связаны».

«Я не хочу быть связана с тобой».

«Ты не выбирала. Как и я. Мы просто встретились в темноте».

Разговоры эти выматывали. После них Аня просыпалась разбитой, с тяжестью в груди и странным чувством голода. Не обычного голода, когда хочется есть. А какого-то другого, глубокого, нутряного. Ей хотелось чего-то, чего она никогда раньше не ела. Чего-то живого? Зеленого? Сочного?

На четвертый день принесли обед. Больничная еда — жидкий суп, пюре с котлетой, компот. Аня посмотрела на котлету, и ее едва не вывернуло. Запах мяса ударил в ноздри так сильно, что закружилась голова. Это был запах смерти. Запах крови, которую пролили. Запах боли, которая предшествовала этой котлете.

Она отодвинула тарелку. Медсестра, наблюдавшая за ней, удивилась.

— Ты чего не ешь? Есть надо, силы нужны.

Аня помотала головой, указала на котлету и скорчила гримасу отвращения.

— Мясо не хочешь? Ладно, ешь тогда пюре.

Пюре Аня съела. И компот выпила. Но голод не ушел. Он остался, глубокий и странный.

Ночью, когда больница затихла, а в коридоре погасили верхний свет, оставив только дежурные лампы, Аня проснулась от этого голода. Он жег изнутри, сводил желудок. Ей хотелось... травы. Свежей, молодой, сочной травы. Или хвои. Или коры. Она вспомнила, как в детстве грызла смолу с вишневых деревьев — тягучую, терпкую, пахнущую лесом.

Она села на кровати. В палате было темно, только свет из коридора падал полосой на пол. В углу, как всегда, стояла тень. Но сейчас тень была гуще, чернее. Кабарга вышла вперед, приблизилась к кровати.

«Ты хочешь есть, — сказала она. — Я тоже хочу. Мы хотим одного и того же».

«Я не хочу твоей еды», — подумала Аня.

«Хочешь. Просто ты еще не знаешь этого. Пойдем. Я покажу».

Аня встала. Ноги слушались плохо, но она дошла до окна. Окно в палате было старое, деревянное, с толстым стеклом. За ним была ночь. Октябрьская, холодная, звездная. Внизу росло несколько деревьев — городские тополя, уже почти голые, с редкими желтыми листьями. А под ними, прямо у стены больницы, Аня увидела траву. Она еще не пожухла, не умерла, стояла зелеными кустиками, пользуясь теплом, идущим от здания.

Аня прижалась лбом к холодному стеклу. Голод стал невыносимым. Она представила, как выходит на улицу, как рвет эту траву руками, как жует ее, чувствуя горьковатый сок, хруст клетчатки на зубах.

«Не здесь, — сказала тень за спиной. — Здесь плохо. Пахнет смертью и лекарствами. Нам нужно в лес. Там настоящая еда».

Аня зажмурилась, прогоняя наваждение. Когда открыла глаза, тени в углу не было. Но голод остался. И странная влажность на губах. Она провела языком — губы были в слюне. Ее организм готовился жевать траву.

Она отшатнулась от окна и заползла обратно в кровать, накрылась одеялом с головой. «Это не я, — думала она. — Это он. Он хочет есть траву. Он хочет жить. Он внутри меня».

Спать она не могла до самого утра.

Татьяна не уходила из больницы. Она брала отгулы на работе, работала она бухгалтером в маленькой фирме, начальница, женщина пожилая и сердобольная, отпустила без вопросов, приносила Ане передачи — фрукты, йогурты, домашние бульоны. Но Аня бульоны не ела. Вообще перестала есть что-либо, кроме растительного. Хлеб, печенье, яблоки, бананы. Если в еде попадалось мясо или даже запах мясного, Аню начинало тошнить.

Врачи разводили руками. Психиатр, которого пригласили на консультацию, говорил о психогенной анорексии, о возможном обострении шизофрении, о необходимости перевода в специализированную клинику. Татьяна слушала и кивала, а в голове билась одна мысль: «Не верю. Это не ее болезнь. Это что-то другое».

Она видела, как изменилась Аня. Не только внешне — шрамы, немота. Внутренне. В ее глазах появилось что-то звериное. Какая-то настороженность, постоянное прислушивание к чему-то невидимому. Она часто смотрела в углы, на пустые места, и Татьяна готова была поклясться, что дочь видит там кого-то.

— Аня, — спросила она однажды вечером, когда они остались вдвоем. — Ты видишь что-то? Там, в углу?

Аня долго смотрела на мать, потом медленно кивнула.

— Что? Что ты видишь, доча?

Аня указала пальцем сначала на угол, потом на себя, потом на рот. Татьяна не поняла. Аня повторила жест, потом взяла мать за руку, приложила ее к своей груди, к тому месту, где сердце. И замерла.

Татьяна почувствовала. Под ладонью, под тонкой больничной пижамой, билось сердце дочери. Но билось оно странно. Неровно, с перебоями, как будто внутри боролись два ритма. И вдруг — толчок. Сильный, резкий, как удар копытом. Татьяна отдернула руку, испуганно глядя на дочь.

— Аня, что это?

Аня развела руками и пожала плечами. Мол, я не знаю. Но в ее глазах плескался такой ужас, что Татьяне стало не по себе.

Она вышла в коридор, присела на тот самый стул и задумалась. Врачи не помогут. Психиатры запрут Аню в дурку, накачают лекарствами, превратят в овощ. А дочь не овощ. В ней что-то живет. Что-то чужое, сильное и, кажется, несчастное.

И тут она вспомнила.

Года три назад, когда Аню в очередной раз положили в санаторий, Татьяна познакомилась там с одной женщиной. У той был сын, мальчик лет десяти, тоже с проблемами. Не слышал, не разговаривал, но не как Аня — он вообще не реагировал на внешний мир, сидел в углу и раскачивался. Врачи говорили — ранний детский аутизм, тяжелая форма. А женщина эта, звали ее Нина, рассказывала, что возила сына в Хакасию, к шаману. Не к знахарке, не к бабке, а к настоящему шаману, в тайгу. И шаман тот что-то сделал. Мальчик начал говорить. Не сразу, через полгода, но начал. И раскачиваться перестал.

Татьяна тогда отнеслась к этому скептически. Но Нина дала телефон. Сказала: «Если совсем прижмет — позвони. Его Тулбэром зовут. Он дорого берет, но помогает. Только к нему ехать далеко, за Саяны, почти до монгольской границы. Он в глухой деревне живет, куда дороги только зимой нормальные».

Татьяна порылась в старой сумке, нашла записную книжку, куда годами записывала нужные телефоны. Номер был. Она смотрела на него, и сердце колотилось, как бешеное. «Шаман. Настоящий шаман. Если я это сделаю, если повезу дочь к шаману, меня саму упекут в психушку. Но если не повезу, Аня умрет здесь. Замолчит навсегда, сойдет с ума от этого зверя в груди».

Она приняла решение. Зашла в палату, села рядом с Аней.

— Доченька, — сказала она тихо. — Я знаю, ты не веришь ни в бога, ни в черта. Но есть один человек. Он далеко, в тайге. Говорят, он шаман. Я хочу отвезти тебя к нему.

Аня подняла на мать глаза. В них не было удивления. Было что-то похожее на надежду.

Татьяна взяла ее за руку.

— Ты как? Поедешь?

Аня кивнула. Медленно, но твердо.

— Тогда готовься. Завтра иду выписывать. На свой страх и риск.

Ночью Аня снова не спала. Она сидела на кровати, подобрала ноги, и смотрела в окно. Луна была полная, яркая, заливающая комнату мертвенным светом. Тень кабарги стояла рядом.

«Он хочет нас видеть, — сказал зверь. — Шаман. Он почувствовал меня. Он будет пытаться выгнать».

«Ты уйдешь?» — спросила Аня.

«Не знаю. Я не хочу уходить. Мне страшно. Там, куда я должен идти, еще темнее, чем здесь. И холодно. Там только боль. Я не хочу туда один».

Аня вдруг почувствовала к этому зверю что-то, чего не ожидала. Жалость. Он был таким же потерянным, как она сама. Таким же испуганным. Таким же запертым в клетке, только клеткой было ее тело.

«Я не хочу, чтобы ты уходил в боль, — подумала она. — Но я не хочу, чтобы ты оставался во мне».

«Понимаю, — ответил зверь. — Если шаман сильный, он сможет отпустить меня по хорошему. Если нет... Он попытается разорвать нас. Тогда мы оба умрем. Или сойдем с ума».

«Ты боишься смерти?»

«Я боюсь одиночества. Я всю жизнь был один. В лесу, среди других зверей — все равно один. Я носил в себе чужую боль, но своей у меня не было. Теперь есть. И я не хочу с ней расставаться. Она моя».

Аня поняла. Это была самая странная исповедь, которую она когда-либо слышала. Дух, влюбленный в собственную боль.

Она протянула руку к тени. Та не шевельнулась. Но Аня почувствовала, как холод коснулся ее пальцев, пробежал по ладони, поднялся к запястью. Не больно. Почти нежно.

«Спасибо, что не гонишь», — сказал зверь.

И растаял в лунном свете.

Выписка прошла быстро. Врачи, узнав, что Татьяна забирает дочь под свою ответственность, только вздохнули с облегчением — меньше отчетов, меньше проблем. Выдали кучу бумаг, направление к психиатру по месту жительства, рецепты на успокоительное. Татьяна сложила все в пакет и повела Аню к выходу.

Аня шла медленно, придерживаясь за стены. Три недели в постели сделали свое — мышцы ослабли, ноги дрожали. Лицо ее было закрыто марлевой повязкой, из-под которой виднелись только глаза — огромные, темные, настороженные. В вестибюле на них оглядывались, но никто ничего не говорил.

На улице был октябрь. Холодный, ветреный, с низким серым небом, обещающим снег. Аня вдохнула воздух полной грудью и едва не закашлялась. Он был другой. Не больничный, стерильный, пропитанный хлоркой. Живой. Пахло прелыми листьями, выхлопными газами и еще чем-то далеким, лесным, что ветер принес с окраин.

Татьяна поймала такси. Дома, в своей квартире, Аня не была почти месяц. Когда они вошли, она остановилась в прихожей и огляделась. Все было знакомым до мелочей: старый ковер на стене, вешалка с маминым пальто, запах маминых духов и кофе. Но все было чужим. Как будто она смотрела на декорации к фильму, в котором не играла.

Татьяна суетилась, готовила чай, доставала из холодильника фрукты, которые Аня теперь ела. Аня села на диван и закрыла глаза.

«Здесь пахнет тобой, — раздался внутри голос зверя. — Твоим детством. Твоей болью. В этой комнате ты плакала, когда никто не видел».

«Не надо, — попросила Аня. — Не трогай прошлое».

«Я не трогаю. Я чувствую. Это мой дар — чувствовать чужую боль. Здесь много боли. Твоей матери. Твоей. Даже тех, кто жил здесь до вас. Стены помнят».

Аня открыла глаза. Ей стало не по себе. Она встала и прошла в свою комнату. Комната была такой, какой она ее оставила: книги на полках, плакаты с группами, которые она уже не слушала, кровать, застеленная старым пледом. На столе лежал ее дневник. Она подошла, открыла его. Последняя запись была сделана за неделю до того вечера.

«Сегодня слышала мужика в автобусе. Он думал, что хочет убить свою жену. Просто так, за то, что она плохо приготовила ужин. Он никогда этого не сделает. Но мысль была. Я слышала. Мне страшно. Я не хочу так жить. Лучше умереть».

Аня захлопнула дневник. Бумага зашуршала под пальцами, и этот звук показался ей оглушительно громким.

«Ты была очень одна», — сказал зверь.

«Да».

«Я тоже. Мы похожи».

Аня не ответила. Она вышла из комнаты и вернулась на кухню, где мать наливала чай.

— Аня, — сказала Татьяна, ставя чашку перед дочерью. — Я договорилась с Ниной, той женщиной из санатория. Она дала точный адрес. Это далеко, почти тысяча километров. Но есть поезд до Абакана, а оттуда на машине, там, говорят, можно заказать. Дорого, конечно, но я взяла все сбережения. Если надо — квартиру продадим.

Аня взяла мать за руку. Сжала. В ее глазах стояла благодарность.

— Ты не бойся, доча. Я с тобой. Я ни за что тебя не брошу. Мы вытащим этого... этого зверя. Или договоримся с ним. Я не знаю как, но мы справимся.

Они сидели на кухне, пили чай, и за окном темнело. А Аня чувствовала, как внутри нее бьется второе сердце, дышат вторые легкие, смотрят вторые глаза. И это существо, этот зверь, тоже смотрело на мать, тоже слушало ее слова, и, кажется, впервые за свою посмертную жизнь, тоже чувствовало что-то похожее на надежду.

Поезд отправлялся вечером. Татьяна взяла билеты в плацкарт — денег было в обрез, а на купе не хватало. Аня не возражала. Ей было все равно, где ехать, лишь бы двигаться, лишь бы приближаться к цели, которую она сама до конца не понимала.

Вокзал встретил их шумом, толчеей, запахом чебуреков и сигаретного дыма. Аня шла, прижимаясь к матери, как маленькая, и ловила на себе взгляды. Люди смотрели на ее забинтованное лицо, отводили глаза, потом снова смотрели. Она привыкла к таким взглядам. Всю жизнь на нее смотрели как на больную.

В поезде было тесно. Их места оказались на боковушках, напротив друг друга. Соседи уже были: молодая пара с ребенком, который беспрерывно плакал, и старушка с котом в корзине, едущая к дочери. Аня забила в угол, поджала ноги под себя и уставилась в окно.

Поезд тронулся. За окном поплыли огни города, потом частный сектор, потом поля, потом лес. Аня смотрела, как темнота сгущается, как звезды высыпают на небо, как луна, все еще почти полная, висит над горизонтом.

«Лес, — прошептал зверь внутри. — Я чувствую лес. Он близко. Он зовет».

«Мы едем в лес», — ответила Аня.

«Я знаю. Там мой дом. Я боюсь».

«Чего?»

«Что, когда я увижу его, мне захочется остаться. И я не смогу уйти из тебя. Разорву тебя пополам. Я сильный. А ты слабая».

«Я не слабая, — подумала Аня с неожиданной злостью. — Я прожила с вами, голосами, всю жизнь. Я выжила. Я не сдохла в том зеркале. Я здесь. С тобой. Я сильнее, чем ты думаешь».

Зверь замолчал. Потом, спустя долгую минуту, ответил:

«Может быть. Может быть, ты права».

Ночью, когда соседи уснули и в вагоне погасили свет, оставив только синие ночники, Аня вышла в тамбур. Ей хотелось подышать воздухом, в котором меньше людей. Тамбур был холодный, грязный, пахло табаком и мазутом. Она прижалась лбом к холодному стеклу двери и смотрела на проносящиеся мимо черные силуэты деревьев.

— Не спится?

Голос раздался сзади, и Аня вздрогнула. Она обернулась. В тамбуре, прислонившись к стене, стоял парень. Лет двадцати пяти, высокий, худой, в черной куртке и с рюкзаком за плечами. Он курил, и огонек сигареты освещал его лицо — острое, скуластое, с темными глазами, в которых плясали блики.

Аня молчала. Она не могла ответить.

Парень, кажется, не ждал ответа. Он докурил, бросил окурочек в урну и подошел ближе. Посмотрел на ее забинтованное лицо, на ее глаза, полные страха и настороженности, и вдруг улыбнулся. Улыбка у него была странная — не злая, но какая-то понимающая. Словно он знал о ней больше, чем мог знать.

— Ты к Тулбэру едешь, да? — спросил он тихо.

Аня замерла. Сердце пропустило удар. Откуда он знает?

Она не кивнула, но, видимо, все было написано у нее на лице, даже под бинтами.

— Я так и подумал, — сказал парень. — Меня Айдын зовут. Я тоже к нему. Только я не лечиться. Я у него живу. Учусь. Возвращаюсь из города, продукты купил. Увидел тебя на вокзале, когда вы садились, и понял. Ты не такая, как все. В тебе кто-то есть.

Аня попятилась. Этот парень был опасен. Он видел то, что никто не должен был видеть.

— Не бойся, — сказал Айдын, поднимая руки в примирительном жесте. — Я не причину вреда. Я просто хочу сказать: готовься. Тулбэр — он суровый. Он будет гнуть свою линию. Если ты позволишь зверю себя сломать, он тебя выгонит вместе с ним. Если будешь бороться — может, и останешься человеком.

— Я немая, — попыталась сказать Аня губами, но звука не было.

Айдын, кажется, понял.

— Ты не просто немая. Ты запечатанная. Это зверь забрал твой голос, чтобы ты не могла позвать на помощь. Чтобы он был главным. Но ты не сдавайся. Поняла?

Аня кивнула. В глазах стояли слезы. Впервые за долгое время кто-то говорил с ней не как с больной, а как с человеком, который может бороться.

Айдын протянул руку и осторожно, едва касаясь, коснулся ее плеча.

— Держись, — сказал он. — В тайге свои законы. Но там и воздух другой. Может, легче дышать станет.

Он развернулся и ушел в вагон, оставив Аню одну в тамбуре, под стук колес и завывание ветра.

Она смотрела ему вслед, и внутри нее зверь вдруг зашевелился, забеспокоился.

«Он пахнет огнем, — сказал зверь. — И дымом. Он прошел обряды. Он сильный. С ним надо быть осторожной».

«Он мне поможет», — подумала Аня.

«Он поможет шаману выгнать меня. Ты этого хочешь?»

Аня не ответила. Она сама не знала, чего хочет.

Поезд мчался в ночь, унося ее все дальше от привычного мира, в тайгу, в сердце тьмы, где ее ждала встреча с тем, кто мог либо спасти, либо уничтожить.

Остаток ночи Аня провела без сна. Она сидела на своей полке, глядя, как за окном проплывают редкие огоньки станций, и слушала дыхание спящих людей. Зверь внутри тоже не спал. Он притих, затаился, но Аня чувствовала его присутствие, как чувствуют затылком взгляд.

«Что ты видишь, когда смотришь на меня?» — спросила она мысленно.

«Я вижу девушку, — ответил зверь. — Израненную, испуганную, но живую. В тебе много света. Даже больше, чем боли. Ты не замечала?»

«Света? Во мне? Я всегда думала, что я — сплошная тьма».

«Тьма — это я. И те голоса, что ты слышала. Они были эхом чужой тьмы. Но твоя собственная — она светлая. Поэтому я и пришел к тебе. Свет притягивает тьму, как луна притягивает воду. Мы нужны друг другу, чтобы быть в равновесии».

Аня задумалась. Никогда она не думала о себе в таких категориях.

«Если шаман выгонит тебя, равновесие нарушится?»

«Да. Ты можешь стать слишком светлой. Или слишком темной, если часть меня останется. Никто не знает. Ритуал — это всегда риск. Но если не сделать ничего, мы срастемся навсегда. И ты перестанешь быть человеком. Станешь мной. А я стану тобой. И никто уже не разберет, где зверь, а где девушка».

«Этого нельзя допустить».

«Нельзя, — согласился зверь. — Поэтому мы едем к шаману. И будем надеяться, что он знает, что делает».

За окном начало светлеть. Серый, холодный рассвет поднимался над тайгой, окрашивая верхушки сосен в розовый цвет. Аня смотрела на эту красоту, и на душе у нее становилось спокойнее. Лес был огромен. Лес был вечен. Лес принимал всех — и людей, и зверей, и духов.

«Мы почти приехали», — сказал зверь.

Аня кивнула сама себе.

Поезд замедлял ход, приближаясь к станции, за которой начиналась неизвестность. И где-то там, в глубине тайги, ее ждал человек, который должен был разорвать связь между девочкой и зверем.

Или сделать ее неразрывной навсегда.

Глава 3. Тот, кто видит сквозь

Поезд остановился так резко, что Аня, задремавшая под мерный стук колес, чуть не слетела с полки. За окном было серое утро, густо замешанное на тумане. Перрон, который она увидела, больше походил на бетонную плиту, брошенную посреди тайги по ошибке. Ни здания вокзала, ни киосков, ни людей. Только ржавый фонарный столб, покосившаяся табличка с названием станции — «Туран» — и стена леса, подступившая вплотную, как живая изгородь.

— Приехали, — сказала Татьяна, вставая и начиная суетливо собирать вещи. — Аня, вставай, доча. Дальше на машине.

Аня спустилась с полки. Тело ломило после бессонной ночи, голова кружилась. Зверь внутри молчал, но она чувствовала его напряжение. Он принюхивался, прислушивался, вбирал в себя запахи тайги, долетавшие даже через закрытое окно.

Поезд вздохнул паровозным гудком и тронулся дальше, оставив их на этом пустом перроне вдвоем с матерью и огромным количеством чемоданов, которые Татьяна, по своей привычке, набрала с запасом на месяц вперед.

— Сейчас, сейчас, — бормотала Татьяна, оглядываясь. — Нина сказала, что тут будет машина, встречают. Наверное, договорилась.

Аня стояла, вцепившись в ручку чемодана, и смотрела на лес. Он был совсем рядом, метрах в пятидесяти, и от него веяло такой древней, равнодушной силой, что становилось не по себе. Ели и сосны уходили в небо, закрывая его своими лапами. Туман стелился между стволами, делая лес похожим на декорацию к страшной сказке.

«Это оно, — раздался внутри голос зверя. — Место, где люди и духи говорят на одном языке. Я чувствую их. Много духов. Старых, сильных. Они смотрят на нас».

Аня поежилась. Ей показалось, что из-за деревьев действительно кто-то смотрит. Много кто. И взгляды эти были недобрыми.

— Аня, смотри! — воскликнула Татьяна.

От леса отделился и покатил по разбитой грунтовке к перрону старенький УАЗик, зеленый, облепленный грязью, с заляпанными окнами. Он подъехал, чихая и кашля мотором, и остановился прямо у перрона. Из кабины вылез мужчина.

Аня узнала его сразу. Это был тот парень из поезда, Айдын. Он переоделся в другую куртку, более теплую, и теперь был похож на настоящего таежного жителя — подтянутый, собранный, с острым взглядом, который сразу же нашел Аню.

— Здравствуйте, — сказал он, подходя к Татьяне. — Я от Тулбэра. Он просил встретить. Садитесь, дорога дальняя.

Татьяна засуетилась, благодаря, загружая чемоданы в багажник, который больше походил на отсек для перевозки чего-то живого. Аня стояла и смотрела на Айдына. Тот подошел к ней.

— Ну как ты? — спросил он тихо. — Не боишься?

Аня помотала головой. Врать было бесполезно — боялась. Но признаваться в этом не хотелось.

— Молодец, — сказал Айдын. — Страх — это нормально. Страх значит, что ты живая. Мертвые не боятся.

Он открыл дверцу УАЗа, помог Ане забраться внутрь. Салон пах бензином, собачьей шерстью и еще чем-то горьким, травяным. На заднем сиденье уже сидел кто-то. Аня вздрогнула, но это оказался всего лишь спальный мешок и пара рюкзаков.

Татьяна устроилась рядом, Айдын сел за руль. Мотор взревел, машина дернулась и покатилась по дороге, уходящей прямо в лес, в туман, в неизвестность.

УАЗ трясло так, что Ане казалось, ее внутренности сейчас перемешаются в однородную массу. Дорога, если это можно было назвать дорогой, представляла собой две колеи, проре-

занные в глине тяжелыми лесовозами, с торчащими корнями деревьев и глубокими лужами, в которых машина вязла по самые оси.

Айдын вел уверенно, без суеты, объезжая ямы по краям, иногда выскакивая на обочину, где колеса вязли в мху, но мотор, надрываясь, вытаскивал их дальше.

За окнами плыл лес. Бесконечный, однообразный, величественный. Ели, сосны, редкие березы с облетевшей листвой, серый мох, свисающий с ветвей, как борода стариков. Иногда мелькали звериные тропы, уходящие в чашу, иногда — остатки костровищ, черные круги на земле, рядом с которыми стояли деревянные идолы, грубо вытесанные топором, с глазами-угольками.

Аня смотрела на этих идолов, и каждый раз, когда они проплывали мимо, ей казалось, что они провожают ее взглядом. И взгляды эти были тяжелыми, как камни.

— Это что? — спросила Татьяна, показывая на одного из идолов.

— Духи, — коротко ответил Айдын. — Хранители дороги. Их здесь много. Каждый перевал, каждый ручей, каждая гора — у всего есть хозяин. Им оставляют угощение, просят разрешения пройти.

— А мы попросили? — насторожилась Татьяна.

— Я попросил, — усмехнулся Айдын. — Еще когда выезжал. Вы не беспокойтесь, духи здешние меня знают. Я с детства тут живу.

— А ты сам откуда? — спросила Татьяна, пытаясь завязать разговор, чтобы отвлечься от тряски.

— Я из детдома, — ответил Айдын спокойно. — В Абакане рос. А потом Тулбэр меня забрал. Сказал, что у меня дар, что я должен учиться. Я и учусь. Уже десять лет.

— Десять лет? — удивилась Татьяна. — А сколько ж тебе сейчас?

— Двадцать пять. Меня в пятнадцать привезли. Дар, говорит Тулбэр, просыпается в этом возрасте, если ему помочь. У меня проснулся.

Аня слушала этот разговор, но мысли ее были далеко. Она смотрела на лес, и лес смотрел на нее. Она чувствовала, что здесь, в этой тайге, все по-другому. Дома, в городе, голоса были чужими, враждебными, они мучили ее. Здесь голосов не было. Здесь было что-то другое — присутствие. Огромное, древнее, спокойное. Оно не давило, оно просто было. Как стена. Как небо.

«Здесь хорошо, — прошептал зверь внутри. — Здесь можно дышать. Здесь меня не гонят».

«Ты рад?» — спросила Аня.

«Я боюсь. Но рад. Это мой мир. Я почти забыл его, пока сидел в тебе. А теперь вспомнил».

Дорога пошла в гору. УАЗ завыл, полез на перевал. За окнами мелькнул просвет, и вдруг лес расступился, открыв невероятную картину. Внизу, в огромной котловине, окруженной горами, лежало озеро. Оно было темным, почти черным, и гладким, как стекло. Горы вокруг него, покрытые лесом, отражались в воде, создавая иллюзию двойного мира. Небо над озером было чистым, и солнце, пробившееся сквозь тучи, золотило верхушки скал.

— Красота-то какая, — выдохнула Татьяна.

— Озеро мертвых, — сказал Айдын. — Так его местные называют. Не потому что мертвые там плавают, а потому что вода в нем не замерзает зимой. Говорят, там вход в Нижний мир. Тулбэр недалеко от него живет.

Аня смотрела на озеро, и в груди у нее что-то переворачивалось. Вход в Нижний мир. Туда, откуда пришел зверь. Туда, куда он должен вернуться. Или не должен?

Машина начала спуск, озеро скрылось за деревьями, и снова потянулся лес, но теперь он был другим — более редким, более светлым. И вскоре среди деревьев показались постройки.

Поселок, в который они въехали, больше походил на стойбище, чем на деревню. Несколько деревянных домов, рубленых из толстых бревен, стояли вокруг поляны. Крыши были крыты чем-то вроде дерна, из которого торчала пожухлая трава. Рядом с домами возвышались конусообразные чумы, крытые шкурами, и высокие шесты с лентами, которые трепетали на ветру. Между постройками ходили собаки — лайки, пушистые, с острыми мордами, — и курился дым из труб, пахнувший можжевельником и смолой.

УАЗ остановился у самого большого дома. Айдын заглушил мотор и вышел.

— Приехали, — сказал он. — Вы пока сидите, я схожу, скажу.

Он скрылся в доме. Аня смотрела на это место, и ей было и страшно, и странно спокойно. Здесь не было суеты города, не было гудков машин, не было голосов. Только ветер, шум леса да лай собак.

Из дома вышел человек. Он был стар, но не дряхл. Высокий, сухой, как жердь, с длинными седыми волосами, заплетенными в тонкую косичку, и узкими глазами, в которых горел такой яркий, такой живой огонь, что становилось жутко. Одет он был в длинную рубаху из грубой ткани, поверх которой была накинута безрукавка из меха, и сапоги из оленьей кожи, расшитые бисером.

На груди у него висела странная подвеска — фигурка кабарги, вырезанная из кости, с глазами из темного камня.

Он подошел к машине, открыл дверцу и посмотрел на Аню. Смотрел долго, не мигая. Ане показалось, что этот взгляд проникает сквозь кожу, сквозь мышцы, сквозь кости, прямо туда, где таился зверь.

Зверь внутри зашевелился, забеспокоился, заскулил.

— Выходи, — сказал старик. Голос у него был низкий, с хрипотцой, но странно молодой для его возраста. — Я Тулбэр. Ты знала, к кому едешь.

Аня вышла. Ноги подкашивались. Она стояла перед шаманом, и ей казалось, что она голая, что он видит все ее тайны, все страхи, всю боль.

Тулбэр перевел взгляд на Татьяну.

— Мать? — спросил он.

— Да, я мать, — залепетала Татьяна, выбираясь из машины. — Спасибо вам огромное, что согласились... Мы заплатим, сколько скажете, у меня есть сбережения, я еще...

— Помолчи, — оборвал ее Тулбэр, но не зло, а устало. — Не о деньгах речь. О душе речь. Иди в дом, отдыхай. Айдын покажет. А мы с девушкой поговорим.

Татьяна замялась.

— Но она немая... Она не может говорить.

— Она может говорить, — усмехнулся Тулбэр. — Только не ртом. А нам этого достаточно.

Он взял Аню за руку. Ладонь у него была горячая, сухая, с мозолями, как у человека, который много работает руками. И повел ее не в дом, а мимо домов, по тропинке, уходящей в лес.

Аня оглянулась на мать. Татьяна стояла, прижав руки к груди, и смотрела им вслед с таким выражением, будто провожала дочь на казнь.

— Не бойся, — сказал Тулбэр, не оборачиваясь. — Я не кусаюсь. И убивать тебя не буду. Ты и так наполовину мертвая.

Тропинка привела их к небольшому озерцу, скрытому от посторонних глаз. Оно было круглым, как чаша, и вода в нем казалась черной из-за торфяного дна. Вокруг росли старые лиственницы, их корни, похожие на щупальца спрутов, сползали прямо в воду.

Тулбэр остановился на берегу, отпустил Анину руку и сел на большой плоский камень, покрытый мхом. Жестом пригласил Аню сесть напротив, на траву.

Аня села, поджав под себя ноги. Тулбэр смотрел на нее, и она смотрела на него. Так прошло несколько минут. Тишина стояла такая, что было слышно, как падают иголки с лиственниц.

— Ты знаешь, кто вошел в тебя? — спросил наконец Тулбэр.

Аня кивнула.

— Скажи.

Аня показала рукой, изображая рога, потом клыки, потом провела пальцем по горлу — убита.

— Кабарга, — понял Тулбэр. — Темная. Хара. Много боли впитала, много слез. Машина сбила, да?

Аня кивнула.

— В тот же вечер, когда ты лицо разодрала? — прищурился шаман.

Аня замерла. Откуда он знает?

— Я много чего знаю, — усмехнулся Тулбэр. — Не потому что я всевидящий, а потому что ты вся в крови была, когда к Айдыну в поезд села. И не своей кровью. На тебе кровь кабарги. Духовная кровь. Я ее за версту чую.

Он помолчал, потом продолжил:

— Ты не просто так это сделала. Ты не сумасшедшая, хотя врачи так думают. Ты слышала голоса. Мертвые голоса. Эхо чужой боли. Это дар. Страшный дар, но дар. Кабарга тоже слышит такие голоса. Только она их в себя вбирает, чтобы мир не захлебнулся горем. Она — губка для чужой боли. Когда она умирает, боль выплескивается наружу. Ищет, к кому прилепиться. К тому, кто тоже слышит. К тебе.

Аня слушала, боясь дышать. Он говорил то, что она сама чувствовала, но не могла оформить в слова.

— Сейчас этот зверь в тебе, — продолжал Тулбэр. — Он не хочет зла. Он хочет покоя. Но он не уйдет просто так. Он слишком долго носил чужую боль, она стала его частью. Если я просто выгоню его силой, он умрет по-настоящему. Не физически — он уже мертв, — а духовно. Растворится в Нижнем мире, станет ничем. Но вся его боль останется в тебе. Ты сойдешь с ума. Или умрешь.

Аня замотала головой. Нет, она не хотела этого.

— Есть другой путь, — сказал Тулбэр. — Мы можем договориться с ним. Объяснить, что ему пора уходить. Что ты не сможешь носить его вечно. Что он должен отпустить боль. Сам. Добровольно.

Аня указала на себя, потом на сердце, потом развела руками — как?

— Через тебя, — ответил Тулбэр. — Ты станешь проводником. Я буду говорить с ним, а ты — переводить. Не словами, конечно. Вы уже связаны. Ты чувствуешь его, он — тебя. Я помогу вам услышать друг друга по-настоящему.

Он встал, подошел к озеру, зачерпнул пригоршню черной воды и выплеснул ее в воздух. Вода, падая, засверкала в лучах солнца, и на миг Ане показалось, что в этих каплях отражаются лица. Много лиц. Странные, древние, с глазами без зрачков.

— Сегодня полнолуние, — сказал Тулбэр. — Сегодня границы тонкие. Сегодня мы попробуем. Ты готова?

Аня не была готова. Но она кивнула.

До заката оставалось несколько часов. Аню отвели в маленький домик на краю стойбища, где уже обустроилась Татьяна. Мать суетилась, раскладывала вещи, пыталась накормить Аню ужином, но та ничего не ела. Сидела у окна и смотрела, как солнце медленно опускается за горы, окрашивая небо в багровые тона.

— Анечка, может, поешь хоть немного? — просила Татьяна. — Ты совсем исхудала.

Аня мотнула головой. Она не могла есть. Желудок сжимался от страха.

В дверь постучали. Вошел Айдын, неся в руках какой-то сверток.

— Тулбэр просил передать, — сказал он, кладя сверток на кровать. — Это одежда для обряда. Надень, когда стемнеет.

Он посмотрел на Аню, и в его взгляде было что-то теплое, ободряющее.

— Не бойся, — сказал он тихо. — Тулбэр сильный. Он не даст тебе пропасть. И я рядом буду.

Аня кивнула, благодаря.

— Можно, я тут посижу немного? — спросил Айдын. — С вами? До темноты еще есть время.

Татьяна засуетилась, предлагая чай, но Айдын отказался. Он сел на табурет у двери и замолчал, глядя в пол. Аня смотрела на него и чувствовала странное успокоение. Рядом с ним было не так страшно.

— Расскажи о Тулбэре, — попросила Татьяна. — Как он стал шаманом?

Айдын поднял голову.

— Это долгая история, — сказал он. — Но я расскажу, если хотите. Чтобы время прошло. И он начал рассказ.

— Тулбэр не всегда был шаманом. Он был обычным охотником, жил в тайге, промышлял пушнину. У него была семья — жена, двое детей. Жили они в маленькой деревне, недалеко отсюда, только дальше в горы. Всё было хорошо, пока не случилась беда.

Однажды зимой жена Тулбэра пошла к соседям через лес и не вернулась. Пурга началась внезапно, она сбилась с пути, замерзла. Ее нашли только весной, когда снег сошел. Тулбэр сам нашел ее тело. Говорят, он тогда чуть с ума не сошел. Три дня сидел над ней, не ел, не пил, не спал. А на четвертый день ушел в тайгу и пропал на месяц.

— Искали его? — спросила Татьяна.

— Искали. Не нашли. Думали, тоже погиб. А он вернулся. Другой. Похудевший, почерневший, с глазами, как у волка. И сказал, что видел Нижний мир. Что ходил туда, к жене. Что она ему велела жить и помогать другим не сходить с ума от горя. Что у него теперь дар — видеть духов и говорить с ними.

Сначала люди не верили. Думали, спятил. А потом начали замечать. Он мог найти пропавшую скотину, просто закрыв глаза. Мог предсказать погоду. Мог вылечить болезнь, от которой врачи отказывались. К нему потянулись. Сначала из своей деревни, потом из соседних, потом из города стали приезжать. А он всех принимал, никому не отказывал. Только жить в деревне не мог. Говорил, духи мешают, слишком много людей. Перебрался сюда, на озеро. И здесь уже тридцать лет живет.

— А ты как у него оказался? — спросила Татьяна.

Айдын усмехнулся, но в усмешке не было веселья.

— А я из детдома сбежал. Мне пятнадцать было, достали все — воспитатели, учителя, пацаны. Сбежал в тайгу. Думал, сгину. А набрел на это стойбище. Тулбэр меня нашел в лесу, полумертвого, выходил. А потом сказал: «У тебя дар. Будешь учиться». Я сначала не верил. А потом увидел. Первый раз увидел духа — у озера. Черный, высокий, без лица. Стоял и смотрел. Я чуть не умер от страха. А Тулбэр сказал: «Не бойся. Это твой предок. Он пришел тебя защищать». И с тех пор я здесь.

Он замолчал. За окном начало темнеть. Аня слушала и думала о том, что у каждого здесь своя боль, своя история, свой зверь внутри. Только у кого-то зверь добрый, а у кого-то — темный, как у нее.

За окном раздался звук бубна. Глухой, ритмичный, он вплетался в шум ветра и заставлял сердце биться быстрее.

— Пора, — сказал Айдын, вставая. — Одевайся. Я подожду снаружи.

Он вышел. Аня развернула сверток. Внутри была длинная рубаха из мягкой замши, расшитая узорами из бисера и конского волоса, и теплые меховые сапожки. Она надела все это, чувствуя, как чужая одежда становится своей. Татьяна молчала, только смотрела на дочь со слезами на глазах.

— Я с тобой, доча, — прошептала она. — Я здесь, рядом.

Аня обняла мать и вышла в ночь.

Ночь была полная луны. Она висела над озером огромным белым глазом, заливая все вокруг мертвенным светом. Деревья отбрасывали длинные черные тени, в которых, казалось, кто-то шевелится. Воздух был холодным и чистым, как родниковая вода, и пахло дымом, можжевеловым и еще чем-то горьковатым, что щипало ноздри.

В центре поляны, перед большим костром, стоял Тулбэр. Он был одет в ритуальный костюм — длинный плащ из кожи, увешанный металлическими подвесками, которые звенели при каждом движении. На голове его была шапка с перьями, а в руках — большой бубен, обтянутый кожей, с нарисованной на ней кабаргой.

Вокруг костра сидели люди. Аня увидела нескольких стариков, женщину с ребенком, двух мужчин с суровыми лицами. Все они смотрели на Тулбэра с благоговением. Айдын стоял чуть поодаль, держа в руках дымящуюся чашу.

Тулбэр подозвал Аню жестом. Она подошла, чувствуя, как дрожат ноги. Шаман взял ее за руку и подвел к самому огню.

— Смотри в огонь, — сказал он. — Не отводи взгляд. Что бы ни случилось, смотри. И слушай. Не ушами — нутром.

Он что-то бросил в костер. Пламя вспыхнуло ярче, взметнулось вверх, и дым повалил густой, пахучий. Аня закашлялась, но Тулбэр удержал ее.

— Дыши, — велел он. — Это чистое. Это духи.

Она дышала. Голова закружилась, но не противно, а приятно, как после бокала вина. Мир поплыл, потерял четкость. Огонь распался на тысячи искр, каждая из которых жила своей жизнью.

Тулбэр запел. Это было не пение в обычном смысле. Это был горловой звук, низкий, вибрирующий, проникающий в самую глубину. Он переливался, то поднимаясь, то опускаясь, и в нем слышался вой ветра, и шум дождя, и топот копыт, и крики птиц.

Бубен забился в его руках. Ритм был ровный, как биение сердца, и Аня вдруг поняла, что ее сердце бьется в такт с этим ритмом. Что она не может дышать иначе, чем дышит Тулбэр. Что она растворяется в этом звуке, в этом огне, в этой ночи.

И тогда она почувствовала, как зверь внутри нее поднимается. Он выходил из укрытия, расправлял лапы, тянулся к свету, к звуку, к шаману. И в то же время боялся, сжимался, пытался спрятаться обратно.

— Выходи, — услышала Аня голос Тулбэра. Голос шел отовсюду — из огня, из ветра, из ее собственной груди. — Выходи, Хара. Я не враг. Я хочу говорить.

Зверь замер. Аня чувствовала его колебание. Потом он шагнул вперед, и Аня перестала быть собой.

Мир изменился. Аня видела все, но видела иначе. Цвета стали ярче, звуки — громче. Она чувствовала запах каждого человека вокруг, запах их страха, надежды, боли. И себя она чувствовала иначе. Она была большой. И маленькой одновременно. Она была девушкой с разорванным лицом и она была зверем с разбитой мордой.

— Ты слышишь меня? — спросил Тулбэр. Он стоял напротив, но теперь его глаза были не человеческими. В них горел тот же огонь, что и в костре.

«Слышу», — ответила Аня, но ответила не своим голосом. Голос был низким, вибрирующим, как гул земли.

— Ты знаешь, кто ты?

«Я боль. Я память. Я эхо».

— Ты знаешь, где ты?

«В ней. В той, кто открылась. В той, кто позвала».

— Она не звала тебя. Она кричала от боли. Ты пришел на крик.

«Она кричала. И я пришел. Так всегда было. Так будет».

— Это неправильно. Она живой человек. Ты мертвый дух. Вы не должны быть вместе.

«Я не хочу уходить. Здесь тепло. Здесь светло. Я устал носить боль один. Пусть она поможет».

— Она не выдержит. Она слабая.

«Она сильная. Сильнее, чем ты думаешь. Она всю жизнь носила чужую боль. Она почти такая же, как я».

Тулбэр замолчал. Аня чувствовала, как он думает, как взвешивает слова, как ищет правильный путь.

— Что тебе нужно, чтобы уйти? — спросил он наконец.

«Чтобы боль отпустила. Чтобы та, чью боль я ношу, простила меня. И себя».

— Чья боль?

«Всех. Я не помню имен. Я помню только крики. Их много. Они во мне. Они не дают мне покоя».

Тулбэр поднял руки к небу, заговорил на незнакомом языке. Слова были гортанными, резкими, они врезались в ночную тишину, как ножи. Вокруг костра поднялся ветер, хотя деревья стояли неподвижно. Пламя заметалось, завывало.

— Я открываю врата! — крикнул Тулбэр. — Я зову тех, чья боль в тебе! Придите! Заберите свое! Освободите этого зверя!

И они пришли.

Аня увидела их. Тени. Сотни теней, поднимающихся из-под земли, из-за деревьев, из черной воды озера. Они были разными — старые и молодые, мужчины и женщины, дети. У кого-то не было рук, у кого-то не было лиц. Они плыли по воздуху, окружая поляну, окружая костер, окружая ее.

Зверь внутри забился, закричал. Это был настоящий крик, высокий, тонкий, как свист, разрезающий уши. Аня упала на колени, схватилась за голову. Боль пронзила все тело, как будто ее разрывали на части.

Тени приближались. Они тянули руки к Ане, к зверю внутри нее. Они хотели забрать свое.

— Нет! — закричала Аня. Впервые за много дней из ее горла вырвался звук. Не слова, а именно крик, животный, полный ужаса.

И в этот миг случилось что-то странное. Зверь перестал бороться. Он вдруг понял, что тени не враги. Они — те, кого он носил в себе всю свою посмертную жизнь. Они пришли не убивать, а забирать свою боль обратно. Освободить его.

«Простите, — прошептал зверь. — Простите, что не смог помочь. Простите, что носил вас так долго. Я устал. Заберите. Заберите всё».

Тени остановились. Они смотрели на зверя, на Аню, на Тулбэра. Потом одна из теней, самая старая, с лицом древней старухи, протянула руку и коснулась груди Ани.

Холод. Невыносимый холод. Аня задохнулась, чувствуя, как из нее что-то выходит. Что-то темное, тягучее, горячее. Боль. Чужая боль. Она вытекала, как гной из раны, и тени впитывали ее, забирали, уносили с собой.

Это длилось вечность. Или мгновение.

А потом все кончилось. Тени растаяли в воздухе, растворились в лунном свете. Ветер стих. Огонь успокоился. И Аня осталась одна на коленях перед костром, с чувством невероятной пустоты внутри.

Зверя не было.

Он ушел.

Тулбэр подошел к Ане, помог ей встать. Она дрожала, как осиновый лист, губы посинели, но в глазах был свет. Чистый, ясный, не замутненный чужими голосами.

— Ушел? — спросила она шепотом.

И замерла. Она сказала это вслух. Голос вернулся. Хриплый, слабый, но вернулся.

— Ушел, — кивнул Тулбэр. — Забрал свою боль. И чужую тоже забрал. Ты теперь чистая.

Аня заплакала. Слезы текли по щекам, попадали на швы, щипали, но ей было все равно. Она плакала от облегчения, от счастья, от горя, от всего сразу.

— Но голоса... — прошептала она. — Мои голоса? Они вернуться?

— Не знаю, — честно ответил Тулбэр. — Твой дар не исчез. Ты по-прежнему слышишь. Но теперь ты слышишь не боль. Ты слышишь жизнь. Или не слышишь ничего. Это тебе решать. Твой дар. Твоя жизнь.

Айдын подбежал к ним, накинул на Аню теплый тулуп.

— Пойдем, — сказал он. — В дом надо, согреться. Ты ледяная вся.

Он поддерживал ее, вел через поляну мимо людей, которые смотрели на нее с уважением и страхом. Татьяна выбежала навстречу, схватила в охапку.

— Доченька! Ты говоришь! Господи, ты говоришь!

Аня обняла мать и снова заплакала.

В эту ночь она впервые за долгое время спала без снов. Без голосов. Без зверя в груди. Просто спала, как спят дети — крепко и безмятежно.

А наутро ее ждало открытие.

Солнце светило в окно, когда Аня проснулась. За окном было удивительно ясное утро, морозное, искристое. Дым из труб поднимался прямо вверх, деревья стояли в инее, и все это было так красиво, что дух захватывало.

Аня встала, подошла к окну. Она чувствовала себя странно легко. Как будто сбросила груз, который таскала всю жизнь. Голова была ясной, мысли — спокойными.

— Доброе утро, — сказала она вслух, пробуя голос. Голос звучал нормально, только чуть хриловато, как после простуды.

В дверь постучали. Вошел Айдын.

— Тулбэр зовет, — сказал он. — Говорит, надо поговорить.

Аня оделась и вышла. Татьяна спала еще, утомленная вчерашним переживанием. Аня не стала ее будить.

Тулбэр сидел на том же камне у озера. Увидев Аню, он кивнул, приглашая сесть рядом.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Странно, — ответила Аня. — Пусто. Но хорошо пусто. Как будто я родилась заново.

— Ты и родилась заново, — усмехнулся Тулбэр. — Не каждый день изгоняют духов. Это как второе рождение.

Он помолчал, потом сказал:

— Я хочу тебя предупредить. Зверь ушел, но часть его осталась. Не дух, а сила. Немного. Ты теперь не совсем обычный человек.

Аня насторожилась.

— Что значит не совсем?

— Ты будешь лучше видеть в темноте. Сильнее чувствовать запахи. Слышать то, что не слышат другие. Не голоса, нет. Просто... природу. Лес. Животных. Это подарок от него. Он оставил тебе частичку себя, чтобы ты помнила. И чтобы защищала.

— Защищала? От чего?

— От таких, как он, — ответил Тулбэр. — От тех, кто носит боль и не может ее отпустить. Ты теперь будешь их чувствовать. И сможешь помогать. Если захочешь.

Аня смотрела на озеро. В его черной воде отражалось небо, и отражение было четче, чем настоящий мир.

— Я не знаю, хочу ли я этого, — сказала она честно.

— Не знаешь — и не надо, — ответил Тулбэр. — Живи. Радуйся. Дыши. Время придет — поймешь. А не придет — значит, не судьба.

Он встал, положил руку ей на плечо.

— Лицо твое заживет. Шрамы останутся, но они красивые. Это твоя карта. Карта того, где ты была и через что прошла. Не прячь их. Носи с гордостью.

Аня кивнула. Внутри нее разрасталось странное тепло.

Она встала и пошла обратно в стойбище, к матери, к новой жизни, к тишине, которая теперь была не пустой, а полной.

Они прожили у Тулбэра еще три дня. Аня набиралась сил, ела таежные ягоды, которые приносил Айдын, пила травяные чаи, гуляла по лесу. Лес больше не пугал ее. Он стал домом. Чужим, огромным, но домом.

На прощание Тулбэр подарил ей амулет — фигурку кабарги, вырезанную из кости, похожую на ту, что висела у него на груди.

— Носи, — сказал он. — Это защита. И память.

Айдын проводил их до станции. На том же разбитом УАЗе они тряслись по таежной дороге, и Аня смотрела на лес, прощаясь с ним. Она знала, что вернется. Не сразу, не скоро, но вернется.

— Приезжай еще, — сказал Айдын, когда они стояли на пустом перроне. — Я буду ждать.

Он улыбнулся, и в этой улыбке было столько тепла, что у Ани защемило в глазах.

Поезд пришел, забрал их, увез обратно в город, в обычную жизнь. Аня сидела у окна и смотрела на проплывающие леса, поля, деревни. В груди у нее было спокойно. А на шее, под свитером, висела маленькая костяная кабарга.

Она слышала лес. Он звал ее. Но пока она ехала домой.

Глава 4. Тени прошлого

Поезд мчался сквозь ночь, ритмично стуча колесами на стыках рельсов. Аня сидела у окна в купе, которое им с матерью чудом удалось взять — Тулбэр дал денег на дорогу, сказав: «Не берите плацкарт, там много людей, много шума. Ей нужно тишину беречь».

Тишина. Аня прислушивалась к себе и удивлялась. Внутри действительно было тихо. Не та звенящая, выматывающая тишина, которая наступила после того, как она лишилась голоса. А другая — спокойная, глубокая, как озеро у Тулбэра. Мысли приходили и уходили, но они были ее собственными. Никаких чужих голосов, никаких шепотов из темноты.

Татьяна спала на нижней полке, укрывшись казенным постельным бельем с синими полосками. Она устала страшно — последние дни в стойбище были для нее тяжелым испытанием. Чужой быт, постоянный страх за дочь, необходимость доверять незнакомому шаману. Но сейчас, во сне, лицо ее разгладилось, и Аня вдруг увидела, как мать постарела за этот месяц. Седина густо пробилась в волосах, под глазами залегли темные круги.

«Я сделала это с ней, — подумала Аня. — Вся ее жизнь — это я. Мои болезни, мой голоса, мои срывы. А она просто любит. И терпит. И тащит».

Аня протянула руку и осторожно коснулась маминой ладони, свесившейся с полки. Татьяна во сне вздохнула, но не проснулась. Пальцы ее были теплыми, родными.

Аня отвернулась к окну. За стеклом плыла чернота, изредка прорезаемая огнями полустанков. Где-то там, далеко позади, оставалось стойбище, озеро мертвых, Тулбэр и Айдын. И маленький домик, где она впервые за много лет почувствовала себя в безопасности.

«Айдын», — подумала Аня, и внутри что-то дрогнуло. Она вспомнила его взгляд на прощание, его улыбку. Просто «приезжай еще». Без обещаний, без надежд. Но в этих словах было столько, что хватило бы на целую книгу.

Она коснулась рукой шеи, где под свитером висела костяная кабарга. Амулет был теплым, как живой. Иногда Ане казалось, что она чувствует слабую вибрацию, исходящую от него — будто внутри фигурки бьется крошечное сердце.

«Ты со мной», — мысленно обратилась она к тому, кого больше не было внутри, но кто оставил ей этот знак. Ответа не последовало. И это было правильно.

Поезд загудел, замедляя ход. Подъезжали к крупной станции. В коридоре зашумели пассажиры, собирающие вещи. Аня зевнула и решила тоже попробовать уснуть. До города оставалось еще часов восемь.

Она легла, укрылась одеялом и закрыла глаза. И почти сразу провалилась в сон — без сновидений, без тревог, просто в темноту, из которой вынырнула только утром, когда проводница стучала в дверь, объявляя прибытие.

Город встретил их серым небом и мелким, противным дождем, который моросил не переставая. Аня стояла на перроне, вдыхая привычный воздух — смесь бензина, мокрого асфальта и дыма из труб ТЭЦ. После таежной чистоты этот воздух казался тяжелым, как вата.

— Ну что, поехали? — спросила Татьяна, подзывая такси. — Домой.

Домой. Аня не знала, хочет ли она туда. Квартира, в которой она выросла, была пропитана ее прошлым — болезнями, истериками, отчаянием. Но другого дома не было.

Такси везло их через полгорода. Аня смотрела в окно на знакомые улицы, дома, витрины магазинов. Все было как раньше, но она смотрела на это другими глазами. Раньше город давил на нее, заставлял сжиматься от шума и голосов. Сейчас шум был просто шумом. Машины гудели, люди говорили, где-то играла музыка — и это не проникало в голову, не превращалось в крики. Это было просто фоном.

«Неужели я выздоровела?» — подумала Аня и сама испугалась этой мысли. Слишком легко. Слишком просто. После стольких лет ада — просто взять и перестать слышать?

Она вспомнила слова Тулбэра: «Твой дар не исчез. Он просто изменился». Что это значит — она пока не понимала.

Дома все было по-старому. Татьяна засуетилась на кухне, ставя чайник, доставая продукты. Аня прошла в свою комнату и остановилась на пороге.

Комната была точно такой, как перед отъездом. Стол, кровать, книги, плакаты. На столе — дневник, открытый на последней записи. «Лучше умереть».

Аня подошла, закрыла дневник и убрала его в ящик стола. Потом подошла к зеркалу. Первый раз за долгое время она смотрела на себя осознанно.

Повязку сняли еще в больнице, но она привыкла прятать лицо, отворачиваться, не смотреть. Сейчас она заставила себя взглянуть.

Из зеркала на нее смотрела девушка с глубокими темными глазами и странным, изрезанным лицом. Шрамы тянулись от скул к подбородку, пересекали щеки, сходились у уголков губ. Они были еще розовыми, свежими, но уже не кровоточили. Кожа вокруг них стянулась, делая выражение лица немного жестким, даже суровым.

— Я страшная, — прошептала Аня. Не вопрос — утверждение.

Но чем дольше она смотрела, тем меньше видела уродство. Шрамы не обезображивали — они меняли. Делали ее лицо не похожим на другие. Особенным. Как сказал Тулбэр — карта.

Она провела пальцем по самому длинному шву, от виска до подбородка. Кожа под пальцем была гладкой и неровной одновременно.

— Я живая, — сказала Аня. И это было правдой.

Первые дни дома прошли в странном оцепенении. Аня вставала, завтракала, овсянка на воде, фрукты, чай — мясо по-прежнему вызывало отвращение, помогала матери по дому, читала книги, смотрела в окно. Ничего не происходило. И это было прекрасно.

Татьяна ходила на работу, возвращалась вечером, готовила ужин. Они ели молча, но это молчание не было тягостным. Иногда перебрасывались фразами о погоде, о новостях, о соседях. Аня отвечала — голос возвращался, становился крепче с каждым днем. Она даже пробовала петь в ванной, тихо, чтобы мать не слышала. Получалось плохо, но это был ее голос, и это было чудо.

На пятый день Татьяна осторожно спросила:

— Аня, может, тебе к врачу сходить? К психиатру? Просто показаться, чтобы с учета сняться или еще что?

Аня покачала головой.

— Не хочу, мам. Они ничего не понимают. Они будут лечить то, чего уже нет.

— А вдруг вернется? — Татьяна боялась произнести это вслух, но страх жил в ее глазах.

— Не вернется, — твердо сказала Аня. — Я знаю. Тулбэр сказал, что все прошло. Я ему верю.

Татьяна вздохнула, но спорить не стала.

Через неделю Аня впервые вышла на улицу одна. Надела теплую куртку, намотала шарф повыше, чтобы прикрыть шрамы, и отправилась в ближайший парк. Был ноябрь, деревья стояли голые, земля подмерзла, и ветер гнал по дорожкам пожухлые листья.

Аня шла медленно, вдыхая холодный воздух, и чувствовала, как легкие наполняются чем-то живым. Она смотрела на людей — мамочек с колясками, стариков на скамейках, бегущих трусцой спортсменов. И ничего не слышала. Просто видела их. Такими, какие они есть.

Внезапно она остановилась. Навстречу ей шел мужчина — средних лет, небритый, в потертой куртке. Он шел и смотрел себе под ноги, хмурый, сосредоточенный. И вдруг Аня почувствовала.

Это было не голосом. Это было ощущением. Как будто внутри у нее что-то шевельнулось, потянулось к этому человеку. И вместе с этим пришло знание: он несет в себе боль. Тяжелую, давнюю, въевшуюся в кости. Боль потери. Кто-то умер. Кто-то очень близкий.

Аня замерла, пропуская мужчину. Он прошел мимо, даже не взглянув на нее. А ощущение осталось. Оно не давило, не мучило, как раньше. Просто было. Как информация.

«Это то, о чем говорил Тулбэр, — поняла Аня. — Я чувствую чужую боль, но она не становится моей. Я просто знаю о ней».

Она пошла дальше, но теперь прислушивалась к себе. Через сто метров она почувствовала еще один импульс — от женщины, которая сидела на скамейке и смотрела в одну точку. Боль была другой — острой, свежей, похожей на порез. Предательство? Ссора?

Аня отвела взгляд и пошла быстрее. Это было слишком. Не мучительно, но непривычно. Как если бы у тебя появилось шестое чувство, и ты не знал, то ли радоваться ему, то ли пытаться отключить.

Вернувшись домой, она долго сидела на кухне, пила чай и думала. Ее дар не исчез. Он просто изменил форму. Раньше она слышала хаос, вопли, безумный хор. Теперь она чувствовала тихие сигналы, как радиомаяки. И могла выбирать — слушать или нет.

— Это подарок? — спросила она вслух у пустой кухни. — Или новое проклятие?

Ответа не было. Только тикали часы на стене, отсчитывая время обычной, человеческой жизни.

Через две недели после возвращения раздался звонок. Татьяна взяла трубку, послушала, и лицо ее изменилось.

— Да, — сказала она осторожно. — Да, она дома. А кто спрашивает?

Пауза.

— Айдын? А, это ты... Здравствуй. Да, все хорошо. Спасибо. Аня? Сейчас позову.

Она прикрыла трубку ладонью и позвала:

— Аня! Тебя!

Аня подошла, взяла трубку. Сердце почему-то забилося чаще.

— Алло?

— Привет, — услышала она голос Айдына. Низкий, спокойный, чуть хриловатый. — Как ты?

— Привет, — ответила Аня, чувствуя, как глупо улыбается. — Хорошо. А ты как?

— Тоже нормально. Тулбэр просил узнать, как твое самочувствие. Говорит, надо наблюдать первое время.

— Передай ему спасибо. Я чувствую себя... другой. Но хорошей другой.

— Это хорошо, — в голосе Айдына послышалась улыбка. — Он сказал, что если будут проблемы — звони. Я дал твоей маме номер.

— Спасибо.

Повисла пауза. Аня слышала его дыхание в трубке и не знала, что сказать.

— Айдын, — наконец выдохнула она.

— Да?

— Я... я скучаю по тайге. По озеру. По... по вам.

Молчание. Потом тихий ответ:

— Я тоже скучаю. Приезжай, если сможешь. Весной, например. Там красиво будет.

— Приеду, — пообещала Аня.

— Ну, давай. Береги себя.

— И ты.

Она положила трубку и долго стояла, глядя на телефон. Татьяна смотрела на нее с кухни с понимающей улыбкой.

— Хороший парень, — сказала она осторожно. — Правильный.

— Мам, — Аня покраснела. — Мы просто...

— Я ничего не говорю, — подняла руки Татьяна. — Просто отмечу.

Аня ушла в свою комнату и долго сидела на кровати, глядя в стену. В груди разливалось тепло. И впервые за долгое время ей захотелось жить. Не существовать, не терпеть, не выживать — а именно жить. Дышать, чувствовать, смеяться. И, может быть даже любить.

Прошел месяц. Аня привыкала к новой жизни. Она даже нашла подработку — удаленно, на дому, набирать тексты для одной маленькой фирмы. Денег немного, но свои. Татьяна радовалась, глядя, как дочь оживает.

Но ночью, когда город затихал, с Аней иногда случалось странное.

В первую такую ночь она проснулась от чувства, что в комнате кто-то есть. Сердце бешено заколотилось, но она заставила себя не кричать, не двигаться. Открыла глаза.

В углу, там, где раньше стояла тень кабарги, стоял силуэт. Не звериный — человеческий. Высокий, тонкий, словно сотканный из серого тумана. Он не двигался, просто смотрел на нее.

Аня села на кровати. Страх не было — только удивление.

— Кто ты? — спросила она шепотом.

Силуэт не ответил, но Аня вдруг поняла. Это была тень человека, которого она видела в парке. Того мужчины с тяжелой болью. Тень пришла к ней.

— Ты хочешь что-то сказать? — спросила Аня.

Тень качнулась. И вдруг Аня почувствовала — боль. Не свою, чужую. Она нахлынула волной, но Аня не дала ей захлестнуть себя. Она просто наблюдала, как врач наблюдает за симптомами.

Сын. У мужчины погиб сын. Год назад. Разбился на мотоцикле. И мужчина винит себя — не запретил, не уследил, не уберег. Боль эта грызет его изнутри, не дает жить. И он хочет... хочет, чтобы кто-то узнал. Кто-то разделил. Не для того, чтобы стало легче, а просто чтобы боль не была такой одинокой.

Аня смотрела на тень, и глаза ее наполнялись слезами. Не от своей боли — от чужой, которую она пропускала через себя, как через фильтр.

— Я слышу тебя, — сказала она. — Я знаю. Мне жаль.

Тень постояла еще мгновение и растаяла. Аня осталась одна в темной комнате, чувствуя странное опустошение и одновременно покой. Она сделала то, для чего, возможно, была рождена. Услышала. Не осудила. Не отвергла. Просто приняла.

Утром она рассказала об этом Татьяне. Та испугалась, хотела везти к врачу, но Аня успокоила ее:

— Мам, это не болезнь. Это дар. Тулбэр говорил. Я теперь чувствую тех, кто носит боль. И могу помогать. Просто слушая.

— Это опасно? — спросила Татьяна дрожащим голосом.

— Не знаю, — честно ответила Аня. — Но я чувствую, что должна.

Через неделю Аня столкнулась с этим снова. В их подъезде, на первом этаже, жила пожилая женщина — баба Нюра, как звали ее соседи. Аня знала ее только в лицо, никогда не общалась. Но в тот день, спускаясь по лестнице, она вдруг остановилась как вкопанная.

Боль. Старая, глубокая, как колодец. Шла из-за двери бабы Нюры.

Аня постояла мгновение, раздумывая, идти ли дальше. Потом, повинувшись какому-то внутреннему импульсу, подошла и позвонила.

Дверь открыли не сразу. Сначала долгий шаркающий шаг, потом щелчок замка. Баба Нюра смотрела на Аню подслеповатыми глазами.

— Чего тебе, девка?

— Можно войти? — спросила Аня.

Баба Нюра удивилась, но посторонилась. Аня вошла в маленькую, бедно обставленную квартирку, пропахшую лекарствами и старостью.

— Вы не бойтесь, — сказала Аня, садясь на предложенную табуретку. — Я не из соц-службы. Я... я просто почувствовала, что вам тяжело. Очень тяжело. И подумала, может, поговорите с кем-нибудь?

Баба Нюра долго смотрела на нее. В глазах старухи мелькнуло что-то — недоверие, страх, надежда?

— Ты кто такая? — спросила она хрипло. — Ведьма, что ли?

— Нет, — улыбнулась Аня. — Просто человек, который слышит.

И баба Нюра заплакала. Тихо, беззвучно, прижимая сморщенную ладонь ко рту. А потом заговорила. О сыне, который уехал на Север и пропал. О муже, умершем десять лет назад. Об одиночестве, которое съедает ее заживо. О том, что некому даже воды подать.

Аня слушала. Просто слушала, не перебивая, не советуя, не утешая. Иногда кивала. Иногда брала старуху за руку.

Когда она уходила, баба Нюра вдруг схватила ее за рукав.

— Ты приходи еще, дочка, — прошептала она. — С души отлегло. Хоть немного.

— Приду, — пообещала Аня.

Она шла домой и чувствовала, как внутри разливается странное тепло. Она не сняла боль бабы Нюры, не вылечила ее одиночество. Но она разделила его. И это сделало их обеих чуточку счастливее.

В декабре, когда выпал первый снег, Аня получила письмо. Настоящее, бумажное, в конверте, с обратным адресом — поселок Туран, до востребования, Айдыну.

Она вскрыла конверт дрожащими руками. Внутри был плотный лист, исписанный аккуратным, чуть угловатым почерком.

«Здравствуй, Аня!

Пишу тебе, как обещал. Тулбэр сказал, что можно, что ты теперь своя. У нас все по-старому. Снег выпал рано, в этом году зима будет холодная. Готовим дрова, утепляем жилье. Звери к людям жмутся, волки близко подходят к стойбищу. Два раза видел их у озера.

Тулбэр часто о тебе спрашивает. Говорит, что ты особенная. Не потому что дух входил, а потому что смогла договориться. Не каждый может. Он говорит, что твой путь теперь только начинается.

Я тут подумал... Может, приедешь на Новый год? У нас Новый год не очень празднуют, больше старый ждут, по-своему. Но мы бы встретили. И на озеро сходили бы, оно зимой замерзает, но не совсем, пар идет, и духи выходят. Ты бы увидела.

Если захочешь — напиши. Или позвони. Я буду ждать.

Береги себя. Твой амулет пусть всегда с тобой будет.

Айдын»

Аня перечитала письмо три раза. Потом прижала к груди и закрыла глаза. Перед внутренним взором встало стойбище, заснеженное, уютное, с дымом из труб и мерцанием звезд над озером.

Она знала ответ. Еще до того, как открыла глаза.

— Мам! — позвала она. — Ты не будешь против, если я на Новый год уеду?

Татьяна выглянула из кухни, увидела счастливое лицо дочери и улыбнулась.

— К нему?

— К ним. К Айдыну. К Тулбэру. В тайгу.

Татьяна вздохнула, но в глазах ее была только радость.

— Езжай, доча. Там твое место. Я чувствую.

Аня подошла и обняла мать.

— Спасибо.

Вечером она села писать ответ. Долго подбирала слова, комкала листы, начинала заново. В конце концов написала просто:

«Приеду. Жди. Аня»

Коротко. Но в это короткое письмо она вложила все, что чувствовала. Надежду. Радость. И что-то очень похожее на любовь.

Поезд уходил тридцатого декабря. Аня стояла на перроне с небольшим рюкзаком за плечами — легко, налегке, как учил Айдын. Татьяна куталась в шубу, кутала и дочь взглядом.

— Тепло одевайся, — наказывала она. — Там морозы под сорок, не как у нас. Валенки взяла? Шерстяные носки?

— Мам, все взяла. И валенки, и носки, и тулуп. Не волнуйся.

— Как не волноваться? Дочь в тайгу, к шаману... — Татьяна всхлипнула. — Ты только береги себя. И передай Айдыну... пусть бережет.

— Передам.

Поезд подал голос. Аня обняла мать крепко-крепко, чувствуя, как по щекам текут слезы.

— Я вернусь, мама. Обязательно.

— Знаю, доча. Езжай.

Аня вскочила на подножку, помахала рукой из тамбура. Поезд тронулся, унося ее прочь от города, от прошлого, от всего, что было. Впереди была тайга, снег, звезды и он.

В купе было тепло и уютно. Соседи — пожилая пара — быстро заснули, а Аня сидела у окна и смотрела, как за стеклом проплывают огни станций, как снег заметает пути, как луна висит над лесом — все та же луна, что светила над озером мертвых.

Она задремала под стук колес. И приснился ей сон.

Лес. Заснеженный, тихий. Лунный свет пробивается сквозь ветки, рисуя на снегу причудливые узоры. Идет она по тропе, легко, не проваливаясь, и знает — тропа ведет к озеру. А навстречу выходит кабарга. Белая, как снег, с глазами — два черных озера. Смотрит на нее, не боится.

— Ты пришла, — говорит кабарга. Не ртом — внутри Ани звучит голос.

— Пришла.

— Не бойся, — говорит кабарга. — Ты теперь своя. Ты слышишь. Ты сможешь.

— Кому?

— Тем, кто носит боль. Тем, кто не может отпустить. Ты теперь проводник. Между мирами. Между людьми. Между зверем и человеком.

Кабарга поворачивается и уходит в лес, растворяясь в лунном свете. А Аня стоит на тропе и чувствует, как внутри разливается покой.

Она проснулась оттого, что поезд дернулся, замедляя ход. За окном светало. Вдалеке виднелись знакомые горы, покрытые лесом. Подъезжали.

Аня улыбнулась и начала собираться.

На перроне, таком же пустом и заснеженном, как в прошлый раз, стоял Айдын. В валенках, в тулупе, с шапкой-ушанкой на голове, он казался настоящим таежным жителем. Увидев Аню, он улыбнулся и помахал рукой.

Аня вышла из вагона и чуть не утонула в снегу. Его намело выше колен, идти было трудно. Но она добежала до Айдына, и они встретились посередине, между поездом и стоянкой.

— Привет, — сказал он, глядя ей в глаза.

— Привет, — ответила она.

Стояли, смотрели друг на друга. Снег падал на плечи, на шапки, на ресницы. Потом Айдын осторожно, словно боясь спугнуть, взял ее за руку.

— Пойдем? Замерзнешь.

— Пойдем.

Они пошли к УАЗику, утопая в снегу, и позади них оставалась ровная цепочка следов — две рядом, как будто навсегда.

Машина фыркнула мотором и покатила по зимней дороге, уходящей в лес. Аня смотрела вперед, на заснеженные ели, на сияющий снег, на горы вдалеке. И чувствовала, как внутри нее разгорается огонь. Тихий, теплый, живой.

Дорога домой. Странное слово для места, где она не родилась. Но сердце знало лучше головы. Там, впереди, было то, что она искала всю жизнь. Покой. Понимание. И что-то очень похожее на счастье.

УАЗ остановился у знакомого дома, когда уже начало темнеть. Зимой в тайге темнеет рано — к четырем часам сумерки, к пяти — ночь. Но стойбище встретило Аню огнями — горели лампы в окнах, горел костер на центральной поляне, и снег искрился в свете пламени.

Тулбэр вышел навстречу. В этот раз он был одет просто, по-домашнему — в длинный свитер и меховую безрукавку. Увидев Аню, улыбнулся.

— Вернулась, — сказал он. — Я знал.

— Здравствуйте, Тулбэр, — Аня поклонилась, как учил Айдын.

— Здравствуй, дочка. Проходи. Мать твоя звонила, волновалась. Я сказал, что все хорошо будет. А ты как сама?

— Хорошо, — ответила Аня. И это было правдой.

В доме было тепло и пахло хвоей, травами, дымом. На столе стоял чайник, лежали лепешки, мед, варенье из таежных ягод. Айдын суетился, накрывая на стол, а Аня сидела у печи и грела руки.

— Рассказывай, — велел Тулбэр, садясь напротив. — Как дар проявляется?

Аня рассказала. О тени в комнате, о мужчине в парке, о бабе Нюре. Тулбэр слушал внимательно, кивал, иногда задавал вопросы.

— Хорошо, — сказал он, когда она закончила. — Правильно делаешь. Не гонишь, не боишься. Просто слушаешь. Это и есть твой путь.

— А это не опасно? — спросила Аня. — Для меня? Для них?

— Для тебя — нет, если будешь помнить: чужая боль не твоя. Ты только проводник, как труба. Боль проходит сквозь тебя, но не застревает. Если почувствуешь, что застревает — приходи. Помогу.

— А для них?

— Для них это спасение. Знаешь, почему люди сходят с ума от горя? Потому что они носят его в одиночку. А когда находится кто-то, кто готов просто быть рядом и слушать — гора становится меньше. Ты не лечишь, ты не советуешь. Ты просто разделяешь. Это самое ценное.

Аня молчала, переваривая услышанное.

— А духи? — спросила она. — Они тоже приходят?

— Придут, — спокойно ответил Тулбэр. — Те, кто не может уйти. Такие, как твоя кабарга. Но теперь ты знаешь, что с ними делать.

Он встал, подошел к окну, посмотрел на звезды.

— Завтра Новый год по-вашему. А по-нашему — просто ночь. Но ночь сильная. Луна молодая, границы тонкие. Может, увидишь что-то. Не бойся. Ты теперь своя здесь.

Аня кивнула. Страх не было. Было только спокойное ожидание.

Ночью, когда все уснули, она вышла на улицу. Мороз обжег лицо, заставил задохнуться, но это был приятный шок. Звезды висели огромные, яркие, почти касаясь верхушек елей. Снег скрипел под ногами.

Она прошла к озеру. Оно не замерзло — черная вода парила в морозном воздухе, создавая причудливые фигуры из тумана. И в этом тумане Аня увидела тени. Много теней. Они двигались медленно, плавно, словно танцевали.

— Здравствуйте, — сказала Аня негромко.

Тени остановились. Потом одна из них отделилась и подошла ближе. В ней угадывались очертания кабарги — тонкие ноги, маленькая голова, клыки.

— Ты, — прошептала Аня.

Тень кивнула.

— Ты пришел попрощаться?

Тень покачала головой. И вдруг Аня поняла: не попрощаться. Поблагодарить.

Из тумана выступили другие тени. Люди. Много людей, разных — старых и молодых, мужчин и женщин. Они окружали озеро, смотрели на Аню, и в их взглядах не было угрозы. Была благодарность.

— Это те, чью боль носила кабарга, — прошептала Аня. — Те, кто ушел.

Тени кивнули.

Аня стояла на берегу, смотрела на этот безмолвный хоровод, и по щекам ее текли слезы. Они замерзали на морозе, превращаясь в ледяные дорожки.

— Я буду помнить, — сказала она. — И я буду слушать. Всех, кому нужно.

Тени медленно растаяли в тумане. Осталась только кабарга. Она стояла на противоположном берегу, глядя на Аню своими черными глазами. Потом развернулась и ушла в лес, бесшумно, как падающий снег.

Аня осталась одна. Озеро дышало паром, звезды мерцали, мороз крепчал. Но внутри нее было тепло. Тепло и покой.

Она повернулась и пошла обратно в дом. Там, в тепле, ее ждал Айдын. Он сидел у печи, подбрасывая дрова в огонь. Увидев Аню, улыбнулся.

— Замерзла? Иди грейся.

Она подошла и села рядом, протянув руки к огню. Айдын осторожно накрыл ее ладонь своей.

— Ты видела их? — спросил он тихо.

— Да.

— Страшно?

— Нет. Они добрые.

— Они благодарные, — поправил Айдын. — Ты дала им покой. И себе.

Аня посмотрела на него. В свете огня его лицо казалось мягче, добрее.

— Спасибо, что позвал, — сказала она.

— Спасибо, что пришла.

Они сидели молча, глядя на огонь. За окном падал снег, укрывая тайгу белым одеялом. В доме было тихо, тепло, уютно. И Аня вдруг поняла: она дома. По-настоящему. Впервые в жизни.

Она закрыла глаза и улыбнулась. Где-то в глубине леса кабарга остановилась, прислушалась и пошла дальше, растворяясь в ночи. Ее работа была сделана. Анина — только начиналась.

Глава 5. Плачь по тени.

Таежное утро в конце декабря не похоже на утро в городе. Оно наступает медленно, нехотя, как старик, который долго ворочается в постели, прежде чем решиться встать. Сначала горизонт над горами едва заметно светлеет, приобретая цвет старого серебра. Потом этот свет разливается шире, пробиваясь сквозь густые еловые лапы, тяжелые от снега. И только через час-полтора на снег падают первые робкие лучи солнца — низкого, холодного, почти не греющего.

Аня проснулась оттого, что кто-то дышал ей в лицо. Тепло, с легким запахом сена и псины. Она открыла глаза и увидела прямо перед собой мохнатую морду — собака, одна из лаек Тулбэра, по кличке Чара, уткнулась носом ей в щеку и внимательно смотрела желтыми глазами.

— Ты чего, Чара? — прошептала Аня, протягивая руку, чтобы почесать собаку за ухом.

Лайка вильнула хвостом, лизнула ее в подбородок и спрыгнула с лежанки. Аня села, кутаясь в одеяло. В доме было тепло — печь топили всю ночь, и сейчас в ней догорали последние поленья, тихо потрескивая и роняя искры на золу.

Вчерашний вечер вспомнился как сон. Озеро, тени, кабарга, прощание. Аня коснулась амулета на шее — костяная фигурка была теплой, как всегда, когда она находилась рядом с тайгой. Иногда Ане казалось, что амулет бьется — слабо, едва заметно, словно внутри него замерло крошечное сердце.

Она оделась — толстые шерстяные носки, валенки, теплые штаны, два свитера, тулуп — и вышла на улицу. Мороз ударил в лицо, заставив зажмуриться. Снег под ногами скрипел так громко, что казалось, этот звук слышен на другом конце стойбища.

Стойбище жило своей зимней жизнью. Из труб шел дым, на поляне сушились собаки, кто-то рубил дрова — мерные удары топора разносились далеко вокруг. Аня увидела Айдына возле сарая — он таскал охапки сена для коз.

— Доброе утро! — крикнула она, подходя.

Айдын обернулся, улыбнулся. На морозе его лицо казалось моложе, румянец играл на скулах.

— Доброе. Выспалась?

— Да. А ты чего так рано?

— Рано? — удивился он. — Уже девять. Тулбэр давно на ногах, в чуме сидит, с духами говорит. Сегодня день особенный.

— Какой?

— Солнцестояние. Самая длинная ночь в году. День, когда мир замирает перед тем, как повернуть к весне. Духи сегодня близко. Очень близко.

Аня поехала, но не от холода. Слова «духи близко» больше не пугали ее, но заставляли внутренне собраться, как перед прыжком в холодную воду.

— Можно посмотреть? — спросила она. — На чум? Или это тайна?

Айдын покачал головой.

— Не тайна. Тулбэр не запрещает. Только смотреть тихо и не мешать. Пойдем, я провожу.

Они пошли через поляну к чуму — конусообразному жилищу, крытому шкурами и берестой. Рядом с чумом висели на шестах разноцветные ленты — подношения духам. Они трепетали на ветру, создавая ощущение, что кто-то невидимый постоянно дергает их, привлекая внимание.

Чум был закрыт — вход затянут тяжелой шкурой. Изнутри доносился тихий, монотонный гул — Тулбэр пел на своем гортанном языке. Аня села на бревно у входа, Айдын пристроился рядом. Холод пробирал даже сквозь тулуп, но уходить не хотелось.

— О чем он поет? — спросила Аня шепотом.

— О пути, — так же тихо ответил Айдын. — О том, как солнце умирает в самую длинную ночь, а потом рождается заново. О том, что даже в самой глубокой тьме есть свет. И о тех, кто ушел, но не забыт.

— О духах?

— О людях. Духи — это и есть люди. Просто другие. Они не исчезают, они меняются. Как вода — то пар, то лед, то река.

Аня задумалась. Она никогда не думала о смерти так. В городе, в больницах, врачи говорили о конце, о прекращении жизнедеятельности, о биологической смерти. Здесь же смерть была просто переходом. Дверью, которую открываешь, чтобы войти в другую комнату.

Гул внутри чума стих. Через минуту шкура откинулась, и показался Тулбэр. Он был в ритуальной одежде — длинном плаще из грубой ткани, расшитом бусами и подвесками, с бубном в руке. Лицо его было спокойным, но в глазах горел тот странный огонь, который Аня видела только у него — огонь, который смотрит сквозь время.

— Аня, — сказал он. — Зайди.

Она вошла. Внутри чума было темно и пахло дымом, можжевельником и чем-то сладким, похожим на мед. В центре, на земляном полу, тлели угли, от которых поднимался тонкий, едва заметный дымок. Тулбэр жестом велел ей сесть на шкуру напротив.

— Сегодня особенный день, — сказал он, садясь напротив. — Ты чувствуешь?

— Да, — ответила Аня. — Что-то изменилось. Воздух стал... плотнее, что ли.

— Воздух всегда плотный, — усмехнулся Тулбэр. — Это границы стали тоньше. Миры сближаются. Сегодня можно увидеть то, что обычно скрыто. Услышать то, что молчит.

Он помолчал, потом спросил:

— Ты видела тени на озере?

— Да. И кабаргу.

— Что она тебе сказала?

— Ничего. Просто смотрела. А потом ушла.

Тулбэр кивнул, как будто ожидал этого ответа.

— Она ушла не навсегда. Она теперь будет приходить, когда ты нужна. Не она тебе — ты ей. Ты стала проводником. Ты слышишь боль. Но слышать — это только начало. Нужно еще и понимать, что с этой болью делать.

Аня молчала, ожидая продолжения.

— Сегодня ночью, — сказал Тулбэр, — мы пойдем на озеро. Не я — ты. Одна. Это твое испытание.

— Испытание? — Аня почувствовала, как внутри холодеет. — Какое?

— Ты увидишь тех, кому нужна помощь. Тех, кто носит боль и не может от нее избавиться. Ты должна будешь выслушать их. И отпустить. Не взять себе — отпустить. Поняла?

— А если я не смогу?

— Сможешь. Ты сильнее, чем думаешь. Ты уже прошла через главное — через зверя внутри. Теперь остальное — легче.

Он протянул руку и коснулся амулета на ее шее.

— Эта кабарга будет тебя хранить. Не снимай ее. Даже в бане.

Аня кивнула. Она вышла из чума, и свет зимнего солнца ударил в глаза, ослепив на мгновение. Айдын стоял у входа, прислонившись к бревну.

— Ну что? — спросил он.

— Ночью иду на озеро, — ответила Аня. — Одна.

Айдын посмотрел на нее долгим взглядом. В его глазах было беспокойство, но он ничего не сказал. Только положил руку ей на плечо и сжал.

— Я буду рядом, — сказал он. — Не на озере, но рядом. Если что — кричи.

— Я не умею громко кричать, — улыбнулась Аня.

— Научишься, — усмехнулся Айдын.

День тянулся медленно, как смола. Аня помогала по хозяйству — носила воду из пробуренной скважины для растопки, кормила собак. Работа отвлекала от мыслей о предстоящей ночи, но страх все равно сидел где-то под ложечкой, сосущий и холодный.

К трем часам начало темнеть. Солнце, не успев подняться высоко, снова покатилося к горизонту, окрашивая снег в розовые и сиреневые тона. Аня стояла на краю стойбища и смотрела на закат. Красиво было так, что дух захватывало — и страшно одновременно. Потому что она знала: когда уйдет последний свет, начнется то, ради чего она приехала.

Тулбэр вышел к ней, неся в руках небольшой узелок.

— Вот, — сказал он, протягивая узелок. — Возьми с собой. Там сухари, кусочек сала, немного трав. Не для тебя — для тех, кого встретишь. Духам нужно подношение, чтобы они говорили.

— А что я им скажу? — спросила Аня.

— Ничего. Ты будешь слушать. Иногда молчание — лучший ответ.

Он помолчал, потом добавил:

— Иди к озеру, когда луна поднимется. Иди по тропе, не сворачивай. Если позовут сбоку — не ходи. Если заплачут — стой и слушай. Если увидят — не бойся.

— А если испугаюсь?

— Испугаешься — закрой глаза и тронь амулет. Он напомнит тебе, кто ты.

Тулбэр развернулся и ушел в дом. Аня осталась одна на морозе, сжимая в руках узелок. Снег под ногами скрипел, как будто кто-то шептал ей что-то на непонятном языке.

В доме было тепло илюдно. Собрались все, кто жил в стойбище — несколько семей, которых Аня видела в первый приезд. Старики, женщины, дети. Накрывали стол — нехитрую снедь: лепешки, рыбу, ягоды, чай. Аня сидела в углу, пила горячий отвар из шиповника и слушала разговоры. Говорили о том, о чем говорят в деревнях везде — о скотине, о дровах, о погоде. Но иногда речь заходила о духах, и тогда голоса понижались, люди оглядывались на окна, за которыми сгущалась тьма.

— В такую ночь, — шептала старуха с морщинистым лицом, — лучше не выходить. Духи ходят, ищут, кого бы забрать. В прошлом году у Егоровой корова пропала. Нашли только весной, кости одни. И все сломанные, будто кто-то играл.

— Не пугай девушку, — осадил ее дед, сидевший у печи. — Она не простая, она слышит. Ей можно.

Аня опустила глаза. Ей было неловко, что о ней говорят в третьем лице, как о чем-то необычном. Она все еще не привыкла к тому, что здесь ее дар не считают болезнью.

Айдын подсел к ней, положил на колени теплую шкуру.

— Замерзла?

— Немного. Волнуюсь.

— Это нормально. Я в первый раз, когда к озеру ходил, чуть штаны не намочил от страха.

Аня фыркнула, прикрывая рот рукой.

— Ты? Боишься?

— А ты думала, я бесстрашный? — усмехнулся Айдын. — Я тоже человек. Просто я научился делать свое дело, даже когда страшно. Это и есть смелость — не когда не боишься, а когда боишься, но идешь.

— А что ты там видел? На озере?

Айдын посерьезнел.

— Разное. Тени. Голоса. Однажды ко мне вышла девушка. Молодая, красивая. Сказала, что ее убили, и просила найти того, кто это сделал. А я не умею таких вещей. Я только слушать

умею. Она поняла, заплакала и ушла. И я плакал потом три дня. Не мог успокоиться. Тулбэр сказал, что это она во мне осталась, частичка. И нужно было не плакать, а отпустить.

— И ты отпустил?

— Со временем. Но научился ставить стену. Не пускать чужую боль в сердце. Пропускать через себя, но не задерживать. Как воду сквозь сито.

Аня посмотрела на свои руки. Тонкие, бледные, с обкусанными ногтями — привычка детства, которую она никак не могла побороть.

— А я смогу? — спросила она.

— Сможешь. Ты уже смогла с кабаргой. А это было страшнее, чем любая тень на озере.

Луна взошла. Аня увидела ее в окно — огромную, желтую, висящую низко над горизонтом, как будто кто-то подвесил фонарь на самую высокую сосну.

— Пора, — сказал Тулбэр, появляясь из сеней. — Иди.

Аня встала. Оделась. Проверила узелок — на месте. Амулет на шее — теплый. Она подошла к матери, которая сидела у стола с бледным лицом и сжимала кружку так, что костяшки побелели.

— Мам, я скоро, — сказала Аня.

Татьяна кивнула, не в силах говорить. Она взяла дочь за руку, сжала, потом отпустила.

Аня вышла на улицу. Мороз ударил в лицо, но она почти не чувствовала его. Луна освещала поляну, превращая снег в серебро. Тени от домов лежали на земле черные, резкие, как вырезанные ножницами.

Она пошла по тропе к озеру. Снег скрипел под ногами, но этот скрип казался ей музыкой — тихой, печальной, древней. Сзади, у крайнего дома, стоял Айдын. Он не пошел за ней, только смотрел вслед. Аня оглянулась на миг — увидела его силуэт на фоне освещенного окна и пошла дальше.

Озеро встретило ее тишиной. Такой тишины Аня не слышала никогда в жизни. Она стояла на берегу, и ей казалось, что звуки вообще исчезли из мира — нет ветра, нет скрипа снега, нет даже биения ее собственного сердца. Тишина была плотной, осязаемой, как стена.

Озеро не замерзло. Черная вода парила в морозном воздухе, и пар этот не рассеивался, а клубился над поверхностью, принимая причудливые формы. При свете луны он казался живым — двигался, дышал, менял очертания.

Аня опустилась на колени прямо в снег. Она вспомнила наставления Тулбэра: «Сядь, закрой глаза, открой уши. Слушай не ушами — слушай нутром».

Она закрыла глаза. Тишина стала еще плотнее. Аня почувствовала, как амулет на груди нагревается, становится горячим, почти обжигающим.

И тогда они пришли.

Сначала был звук. Тонкий, высокий, похожий на плач ребенка. Он шел откуда-то из центра озера, из самой глубины. Потом к нему присоединился второй — ниже, печальнее. Потом третий, четвертый, десятый. Хор голосов, нечеловеческих, но таких знакомых, как будто Аня слышала их всю жизнь.

Она открыла глаза.

Озеро кипело. Не водой — тенями. Они поднимались из черной глубины, сотни, тысячи, тянули руки к берегу, к ней. У них не было лиц, только очертания — кто-то высокий, кто-то низкий, кто-то с длинными волосами, кто-то сторбленный. И все они плакали. Не рыдали — плакали тихо, безнадежно, как плачут, когда уже нет сил на слезы.

— Кто вы? — спросила Аня. Голос ее прозвучал громко в этой тишине, и тени замерли.

Ответа не было. Но Аня вдруг поняла — она знает. Эти тени — те, кто умер с болью в сердце. Не своей болью — чужой. Те, кто взял на себя чужое горе и не смог его отпустить. Те, кто не ушел в Нижний мир, потому что их держала привязанность к тем, кого они любили.

Одна тень отделилась от остальных и поплыла к берегу. Она была маленькой, ростом с ребенка, и Аня вдруг поняла — это девочка. Лет десяти. Она утонула? Замерзла? Аня не знала. Но чувствовала, как боль этой девочки проникает в нее, холодная и острая, как льдинка.

— Ты пришла, — сказала тень. Голос у нее был тонкий, как струна. — Мы ждали.

— Кто вы? — повторила Аня.

— Мы те, кого не слышали. Мы кричали, но никто не услышал. Мы умирали, и никто не плакал. Мы ушли, и нас не отпустили.

— Кто вас не отпустил?

— Те, кто остался. Они держат нас своей болью. Они плачут по нас, и мы не можем уйти. Мы слышим их слезы даже здесь, в темноте. И возвращаемся. Снова и снова.

Аня поняла. Эти тени — не злые духи, не монстры. Это просто умершие люди, которые не могут найти покой, потому что живые не могут их отпустить.

— Что я могу сделать? — спросила она.

— Скажи им. Скажи, что мы ушли. Что нам хорошо. Что мы не хотим, чтобы они плакали. Что мы просим их жить дальше. За нас.

— Я не знаю, как, — прошептала Аня. — Я не умею говорить с живыми так, чтобы они слышали.

— Ты умеешь, — сказала тень. — Ты слышишь. А тот, кто слышит, может и говорить. Не словами — сердцем.

Тень растаяла, растворилась в пару. Но другие остались. Они стояли на берегу, на воде, в воздухе — везде, куда падал лунный свет. И смотрели на Аню. Ждали.

Аня встала на ноги. Она не знала, что делать, но тело знало. Руки сами поднялись к амулету, пальцы сжали костяную фигурку. И она запела.

Не словами — звуком. Тем самым звуком, который вырвался из нее в чуме Тулбэра, когда она была проводником. Низким, вибрирующим, идущим не из горла, а из самой глубины, из того места, где жила кабарга. Она пела о боли, о любви, о прощании. Пела о том, что нужно отпустить тех, кто ушел. Пела о том, что жизнь продолжается даже после смерти.

Тени слушали. Они перестали плакать. Они замерли, как будто впервые за долгое время услышали то, что хотели услышать.

И одна за другой они начали уходить. Не исчезать — уходить. В озеро, в глубину, в Нижний мир. Туда, где их ждали покой и забвение. Последней ушла та, маленькая девочка. Она обернулась на мгновение, и Ане показалось, что сквозь тень она видит улыбку.

— Спасибо, — сказала девочка. — Передай маме, что я ее люблю.

И исчезла.

Аня осталась одна на берегу. Озеро снова стало черным и гладким. Луна висела высоко. Тишина вернулась, но теперь она была другой — не плотной и давящей, а прозрачной, как стекло.

Аня упала на колени и заплакала. Плакала она долго, навзрыд, сотрясаясь всем телом. Это были не ее слезы — чужие, сотен умерших, которые она пропустила через себя. Но они выходили, вытекали, оставляя внутри пустоту и облегчение.

Когда слезы кончились, Аня поднялась. Было холодно, ноги замерзли, пальцы не гнулись. Но внутри горел огонь — тихий, теплый, живой. Она сделала то, для чего была рождена. Услышала. Отпустила.

Она повернулась и пошла обратно в стойбище, оставляя за собой цепочку следов на девственном снегу.

Она не дошла до стойбища.

Тропа, по которой она пришла, петляла между деревьями, и Аня шла по ней, не глядя по сторонам. Луна светила ярко, снег отражал свет, и все было видно как днем. Но на полпути она услышала шаги.

Кто-то шел за ней.

Аня остановилась, прислушалась. Шаги тоже остановились. Она пошла дальше — шаги возобновились. Она резко обернулась — никого. Только деревья, снег, луна.

— Кто здесь? — спросила она. Голос ее дрожал, но не от страха — от холода.

Молчание. Потом из-за ствола ближайшей сосны вышла тень. Не похожая на тех, что были на озере. Эта тень была плотной, почти осязаемой, с четкими очертаниями. Человек. Мужчина. Высокий, широкоплечий, в длинном плаще, с лицом, скрытым капюшоном.

— Ты хорошо спела, — сказал он. Голос был низким, глухим, как будто доносился из глубокого колодца. — Давно я не слышал такого пения.

— Кто ты? — повторила Аня, чувствуя, как амулет на груди нагревается, предупреждая об опасности.

— Я тот, кто слушает. Как и ты. Только ты слушаешь боль, а я слушаю тишину. Тишину после боли.

Он сделал шаг вперед, и Аня увидела его лицо. Оно было красивым — правильные черты, высокий лоб, тонкие губы. Но глаза... глаза были пустыми. Черными, как озерная вода, без зрачков, без блеска. В них не было жизни.

— Не бойся, — сказал он, заметив ее испуг. — Я не причиню вреда. Я пришел попросить тебя о помощи.

— О помощи? — Аня не верила. Каждая клетка ее тела кричала об опасности. Амулет стал горячим, почти обжигающим.

— Да. У меня есть тот, кого я не могу отпустить. Тот, кто держит меня в этом мире. Ты помогла другим. Помоги и мне.

— Кто это?

— Моя дочь.

Тень сделала еще шаг. Аня попятилась.

— Она умерла? — спросила Аня.

— Да. И нет. Она застряла между. Как и я. Только она не знает, что умерла. Она ходит по дому, зовет меня, плачет. А я не могу ответить. Не могу сказать ей, что меня больше нет.

— Ты... ты тоже умер? — прошептала Аня.

Тень кивнул.

— Давно. Три года. Сердце остановилось. А душа не ушла. Дочь держит. Она не может отпустить. И я не могу уйти, пока она не поймет.

Аня смотрела на него, и страх постепенно уходил, сменяясь жалостью. Он не был злым. Он был потерянным. Как кабарга. Как те тени на озере.

— Где она? — спросила Аня. — Твоя дочь?

— Далеко. В городе. В той же квартире, где мы жили. Она сидит в моей комнате, не выходит, не ест, не говорит. Она ждет, что я вернусь.

— А ты не вернешься.

— Нет. Но я не могу уйти, пока она ждет. Ты должна ей сказать. Ты умеешь.

— Я не умею говорить с живыми, — повторила Аня. — Только с мертвыми.

— Ты умеешь и с теми, и с другими, — сказала тень. — Ты просто еще не знаешь об этом. Твой дар больше, чем ты думаешь. Ты слышишь не только боль. Ты слышишь связь. Между живыми и мертвыми. И ты можешь говорить с обеими сторонами.

Аня молчала, переваривая услышанное. Тень ждала.

— Я попробую, — наконец сказала она. — Но не сейчас. Я уезжаю через несколько дней. Я найду ее. Поговорю.

— Спасибо, — сказала тень. — Я буду ждать.

Она начала таять, растворяться в воздухе, как утренний туман.

— Постой! — крикнула Аня. — Как ее зовут? Где она живет?

— Аня, — ответила тень перед тем, как исчезнуть окончательно. — Ее зовут Аня. Как тебя. Она живет там же, где и ты. В том же городе. Найди ее. Пожалуйста.

И он исчез.

Аня стояла посреди тропы, глядя на пустое место, где только что была тень. Снег скрипел под ногами. Луна светила. Где-то далеко завывала собака — тоскливо, протяжно, как будто оплакивала кого-то.

Аня пошла дальше. Ноги несли ее сами, голова была пустой и ясной одновременно. Одна мысль билась в ней, как птица в клетке: «Аня. Ее зовут Аня. Как меня».

В стойбище ее ждали. На поляне горел большой костер, вокруг которого сидели люди. Тулбэр поднялся, когда Аня вышла из леса, и пошел к ней навстречу.

— Ты сделала это, — сказал он, глядя ей в глаза. — Я вижу. Ты отпустила их.

— Да, — ответила Аня. — Но там было еще кое-что. Человек. Мужчина. Мертвый. Он просил о помощи.

— Расскажи.

Они сели у костра. Айдын подал ей кружку горячего чая, и Аня, отогревая замерзшие пальцы, рассказала все — о тени в лесу, о дочери, которая не может отпустить отца, о просьбе.

Тулбэр слушал молча, и лицо его было серьезным.

— Это опасно, — сказал он наконец. — То, о чем он просит. Вмешиваться в связь между живым и мертвым — не каждый шаман решится. А ты не шаман. Ты просто человек с даром.

— Но если я не помогу, она умрет, — сказала Аня. — Он сказал, она не ест, не выходит из комнаты. Она ждет его.

— Она и так умрет, — жестко сказал Тулбэр. — Не сегодня, так завтра. Не от голода, так от горя. Это ее путь. Ты не можешь выбирать за других.

— Я не выбираю. Я просто хочу поговорить с ней. Сказать то, что он просил.

Тулбэр долго смотрел на нее. Потом вздохнул.

— Ты похожа на меня в молодости, — сказал он. — Такой же упрямый. Таким же добрый. Это и есть твой путь, Аня. Не мой. Твой. Если ты чувствуешь, что должна — иди.

Он протянул руку и коснулся ее лба. Пальцы его были горячими, почти обжигающими.

— Я дам тебе знак, — сказал он. — Когда найдешь эту девушку, ты поймешь, что делать. Слушай свое сердце. И не бойся. Ты не одна.

Аня кивнула. Она чувствовала странную усталость — не физическую, а душевную, как после долгой и тяжелой работы. Хотелось спать, просто спать, провалиться в темноту и не видеть снов.

Айдын взял ее за руку.

— Пойдем, — сказал он. — Отдохнешь. Завтра поговорим.

Она позволила увести себя в дом. Татьяна уже ждала, сбиваясь с ног от беспокойства. Увидев дочь живой и невредимой, она заплакала, обняла, засуетилась с чаем и одеялами.

Аня легла на лежанку, укрылась шкурой и закрыла глаза. Айдын сидел рядом, молчал, и его присутствие успокаивало, как тепло от печи.

— Айдын, — прошептала она, уже засыпая.

— Мм?

— Ты веришь, что я смогу ей помочь?

— Верю, — ответил он. — Ты помогаешь всем, кого встречаешь. Даже не зная этого.

Аня улыбнулась и провалилась в сон — глубокий, без сновидений, такой же черный, как озеро в полночь.

Первый день нового года встретил стойбище морозом под сорок. Воздух замерз настолько, что пар от дыхания оседал на ресницах и волосах мелкими кристалликами льда. Солнце встало багровым шаром, не грело, но радовало глаз — хотя бы потому, что оно вообще было.

Аня проснулась поздно. Тело ломило, как после тяжелой тренировки, но внутри было спокойно и ясно. Она полежала немного, глядя в потолок, потом встала, оделась и вышла.

На улице было тихо и празднично. Кто-то повесил на шест у центральной поляны разноцветные ленты — подношение духам за хороший год. Собаки лежали в снегу, свернувшись калачиком, и только провожали Аню сонными взглядами.

Айдын нашел ее у колодца. Он нес ведро с водой, и пар валил от воды так, что казалось, будто он несет дым.

— С новым годом, — сказал он, ставя ведро на снег. — Как спалось?

— Хорошо, — ответила Аня. — А у вас здесь празднуют?

— Не очень. Мы больше старый Новый год любим, по-своему. Но сегодня Тулбэр сказал, что будет общий обед. Все собираются. Ты останешься?

— До завтра. Послезавтра поезд.

Айдын кивнул, но в глазах его мелькнула грусть.

— Жалко, — сказал он. — Ты быстро привыкаешь. К тебе.

— Ко мне нельзя привыкнуть, — улыбнулась Аня. — Я странная.

— Лучшая странная, которую я знаю.

Они пошли к дому, и снег скрипел под ногами в такт их шагам. Аня смотрела на Айдына, на его широкие плечи, на заиндевшие брови, на то, как он легко несет тяжелое ведро, и чувствовала, как внутри разливается тепло. Не то тепло, которое от печи — другое, глубокое, живое.

— Айдын, — сказала она.

— Что?

— Ты когда-нибудь уезжал отсюда? Насовсем?

Он задумался.

— Нет. Я пробовал, когда учился в городе. Два года в Абакане, в колледже. Не смог. Город давит. Людей много, шума много, а леса нет. Я без леса как без воздуха. Умираю.

— А я без леса не знаю, — сказала Аня. — Я всю жизнь в городе. Но теперь... теперь мне тоже кажется, что в городе душно.

— Приезжай сюда, — просто сказал Айдын. — Живи здесь.

Аня посмотрела на него. Он не смотрел на нее — смотрел на дорогу, на снег, на лес вдали. Но его рука, свободная от ведра, чуть коснулась ее локтя. Случайно? Или нет?

— Я подумаю, — ответила Аня.

День прошел в хлопотах. Готовили общий стол — женщины пекли лепешки, варили рыбу, собирали ягоды. Мужчины чистили снег, носили дрова, что-то мастерили. Дети носились по поляне, играли в снежки, смеялись.

Аня помогала на кухне. Она не умела печь лепешки, но умела чистить рыбу и резать овощи. Старухи сначала косились на нее — городская, чужая, — но к вечеру привыкли, даже начали учить своим премудростям.

— Ты, главное, тесто не мни сильно, — наставляла одна, с морщинистым лицом и цепкими пальцами. — Оно любит ласку. Как мужчина.

Женщины засмеялись, Аня покраснела, но тоже улыбнулась.

За столом собрались все — человек пятнадцать, включая детей. Тулбэр сидел во главе, молчаливый и сосредоточенный. Он мало ел, больше смотрел на людей, на Аню, на Айдына. И в его взгляде было что-то странное — как будто он видел то, что другие не видят.

После обеда, когда стемнело, Тулбэр вышел на середину поляны и зажег большой костер. Пламя взметнулось вверх, рассыпая искры, и люди встали вокруг, взявшись за руки.

— Сегодня первый день нового года, — сказал Тулбэр. — Мы не знаем, что он принесет. Но мы знаем, что мы вместе. И пока мы вместе — ничего не страшно.

Он начал петь. Не ритуальную песню, а простую, народную — о тайге, о зиме, о том, как хорошо сидеть у костра в морозную ночь. Люди подхватили. Аня не знала слов, но мелодия была простой, и она подпевала тихо, почти беззвучно.

Айдын стоял рядом. Их руки соприкоснулись, и он не убрал свою. Аня чувствовала его тепло даже сквозь толстые рукавицы.

В какой-то момент она подняла голову к небу. Звезды висели огромные, яркие, почти живые. И среди них, прямо над озером, она увидела одну — особенно яркую, мерцающую синим. Она смотрела на нее, и ей казалось, что звезда смотрит в ответ.

— Ты видишь? — спросил Айдын, проследив за ее взглядом.

— Да. Что это?

— Души тех, кто ушел. Тулбэр говорит, что самые яркие звезды — это те, кого не отпустили. Они ждут. Светят, чтобы их заметили.

— А моя кабарга там? — спросила Аня.

— Может быть. А может, она уже ушла дальше. В Нижний мир. Там нет звезд, там только тишина.

Аня задумалась. Ей хотелось верить, что кабарга там, среди звезд. Что она смотрит на нее и радуется. Что ее боль наконец закончилась.

— Я хочу ей помочь, — сказала Аня. — Той девушке. Дочке того мужчины.

— Знаю, — ответил Айдын. — Я поеду с тобой. Если ты не против.

Аня повернулась к нему. В свете костра его лицо было серьезным и решительным.

— Зачем? — спросила она.

— Затем, что одной опасно. Тулбэр говорит, что когда ты начинаешь работать с живыми и мертвыми одновременно — это самый опасный вид шаманства. Можно запутаться, где жизнь, где смерть. Нужен кто-то, кто будет рядом. Кто не даст тебе упасть.

— Ты думаешь, я упаду?

— Я думаю, что каждый может упасть. Даже самый сильный. А ты еще только учишься.

Не спорь.

Аня улыбнулась.

— Не буду. Спасибо.

Они стояли у костра, смотрели на огонь, и вокруг них пели люди, и снег искрился, и звезды мерцали. И в этот момент Аня почувствовала, что она не одна. Что есть место, где она нужна. Есть люди, которые принимают ее такой, какая она есть. Есть даже тот, кто готов идти за ней в темноту, не зная, что там.

Это было странное чувство. Похожее на дом.

Они уезжали утром. Тулбэр вышел провожать, закутанный в тяжелую шубу, с посохом в руке. Он молча обнял Аню, потом Айдына, потом сказал:

— Берегите друг друга. И помните: границы между мирами есть, но они не такие прочные, как кажется. Иногда достаточно шага, чтобы перейти. Не делайте этого шага не подумав.

— Я понял, — сказал Айдын.

— Я тоже, — сказала Аня.

Они сели в УАЗик, завелись с полоборота — мотор фыркнул, чихнул и зарычал, прогреваясь на морозе. Тулбэр стоял у крыльца, глядя им вслед, и Аня смотрела на него в зеркало заднего вида, пока он не скрылся за поворотом.

Дорога была трудной — снег за ночь намело выше колес, пришлось то и дело выходить, разгрести лопатой. Но Айдын вел уверенно, молча, сосредоточенно. Аня сидела рядом, смотрела на лес, прощалась с ним.

— Ты вернешься? — спросил Айдын, когда они выехали на трассу.

— Да, — ответила Аня. — Обязательно.

— Тогда хорошо.

Они замолчали. Каждый думал о своем. Аня — о той, другой Ане, которая ждала отца. Айдын — о том, что впереди их ждет что-то опасное, но он должен быть сильным, чтобы защитить.

Поезд уходил вечером. Они успели, купили билеты — два, рядом. Татьяна встречала их на вокзале, бросилась обнимать дочь, потом с удивлением посмотрела на Айдына.

— Ты с нами?

— Да, Татьяна Петровна, — сказал Айдын. — Если вы не против. Мне нужно помочь Ане в одном деле.

— В каком? — насторожилась Татьяна.

— Расскажу дома, — сказала Аня, беря мать за руку. — Пойдемте. Холодно.

Они поехали в такси, и Аня смотрела на городские огни, на снег, на людей. Все было по-другому. После тайги город казался чужим, ненастоящим. Как декорация. Как сон, из которого скоро проснешься.

Но она знала, что не проснется. Что это и есть ее жизнь — между городом и тайгой, между живыми и мертвыми, между болью и исцелением. И что где-то там, в одной из тысяч квартир, сидит девушка, которая ждет отца. Которую зовут Аня. Которая медленно умирает от горя.

И она должна ее найти.

Глава 6. Кровь на снегу

Город встретил их оттепелью. После таежных морозов, хрустящих под ногами и обжигающих легкие, здешний январь показался Ане сырым, вязким, почти живым — как рана, которая никак не затянется. Снег на улицах почернел, превратился в грязную кашу, которую люди месили сапогами, идя на работу и с работы. Небо висело низкое, серое, давило на голову, как мокрая вата.

Аня стояла у окна в своей комнате и смотрела на двор. Там дети лепили снеговика из того, что осталось от снега, — комья грязного, талого, с вкраплениями земли. Они смеялись, но смех их был каким-то нервным, как будто даже дети чувствовали — в городе что-то не так.

Айдын спал на раскладушке в зале. Татьяна постелила ему лучшее, что было, но парень был неприхотлив — сказал, что и на полу привык. Сейчас он лежал на боку, укрывшись старым одеялом, и дыхание его было ровным, глубоким. Аня завидовала этой способности — спать спокойно, когда внутри все кипит.

Она не спала третью ночь.

После возвращения из тайги что-то изменилось. Город давил иначе, чем раньше. Раньше она слышала голоса — крики, шепоты, мольбы, и они сводили с ума. Теперь голосов не было. Вместо них были ощущения. Плотные, почти физические, как чужие руки, которые тянулись к ней из стен, из пола, из воздуха.

Вот сейчас, глядя на играющих детей, она вдруг почувствовала укол в левый висок — резкий, как игла. Перед глазами мелькнул образ: женщина, лет тридцати, сидит на кухне, сжимает в руке нож и смотрит на свои запястья. Не режется — смотрит. И плачет. И мысли ее черные, липкие, как смола.

Аня зажмурилась, отгоняя видение. Но оно не уходило. Женщина плакала и звала кого-то. Дочь? Мать? Любовника? Аня не разбирала, чувствовала только одно — боль. Такую сильную, что у самой руки чесались.

— Хватит, — прошептала она, сжимая кулаки. — Это не мое. Не мое.

Она открыла глаза. Дети все еще лепили снеговика. Женщина с ножом осталась где-то там, за стеной реальности, но ее боль пульсировала в виске, как заноза.

Аня отошла от окна, села на кровать. Амулет на шее был горячим — почти обжигал кожу. Она взяла его в руки, провела пальцем по костяной фигурке. Кабарга смотрела на нее пустыми глазницами, и Ане почудилось, что она улыбается.

— Что мне делать? — спросила она шепотом.

Амулет молчал. Но внутри, в самой глубине, что-то шевельнулось. Тот самый зверь, который ушел, но оставил частицу себя. Он не говорил словами, но Аня понимала: нужно идти. Туда, к той женщине. Или не к ней, а к той, другой Ане, которую просил найти мертвый отец. Или ко всем сразу.

Она не знала. Но знала, что больше не может сидеть в четырех стенах.

— Айдын, — позвала она тихо.

Парень не проснулся. Она позвала громче:

— Айдын!

Он сел мгновенно, как солдат по тревоге, глаза уже открыты, внимательные, цепкие.

— Что случилось?

— Ничего. Я не могу больше. Мне нужно выйти.

— На улицу? Сейчас?

— Да. Прямо сейчас.

Айдын посмотрел на часы — половина четвертого утра.

— Аня, на улице ночь. Темно. Холодно.

— Мне все равно. Я чувствую... я чувствую, что кто-то зовет. Не словами. Просто... болью. Много боли. Она повсюду. Я не могу закрыться.

Айдын встал, начал одеваться. Быстро, молча, без лишних вопросов. Аня смотрела на него и чувствовала благодарность такую острую, что защипало в глазах.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что, — ответил он, натягивая свитер. — Пойдем.

Они вышли на улицу в четыре утра. Город спал, но спал тревожно — как больной, который мечется в жару. В окнах редких квартир горел свет — кто-то не мог уснуть, кто-то плакал, кто-то пил, чтобы забыться.

Аня шла быстро, почти бежала. Айдын едва поспевал за ней, хотя был выше и шире. Она не знала, куда идет — ноги несли ее сами, как будто кто-то вел за руку. Вниз по улице, мимо закрытых магазинов, мимо спящих автомобилей, мимо редких прохожих, которые косились на странную пару — девушка со шрамами на лице и парень, похожий на таежного охотника.

— Аня, куда мы? — спросил Айдын, когда они свернули в какой-то переулок.

— Не знаю. Но это близко. Я чувствую.

Она остановилась у пятиэтажного дома, типичной хрущевки с облезлой краской и разбитыми ступенями. Подъезд был темный, пахло мочой и кошками. Аня подошла к двери, толкнула — закрыто. Код домофона она не знала.

— Что теперь? — спросил Айдын.

Аня закрыла глаза. Боль пульсировала где-то там, на третьем или четвертом этаже. Она подняла руку и наугад нажала несколько кнопок. В динамике раздался хриплый голос:

— Кто там?

— Откройте, пожалуйста, — сказала Аня. — Это важно.

— Кто вы?

— Я... я пришла помочь. Той женщине. Которая плачет.

Молчание. Потом щелчок — дверь открылась.

Они вошли в подъезд. Лестница была темной, лампочки не горели, только свет с улицы падал через мутные стекла. Аня пошла наверх, перешагивая через ступеньки, считая этажи. Первый, второй, третий. На третьем она остановилась.

— Здесь, — сказала она, прижимая руку к груди. Боль была невыносимой — как будто кто-то выдирает ей сердце через ребра.

Дверь квартиры была приоткрыта. Не заперта, просто прикрыта, как будто ждала. Аня толкнула ее — та со скрипом отворилась. В коридоре было темно, пахло лекарствами и еще чем-то сладковатым, тошнотворным.

— Есть кто? — позвала Аня тихо.

Ответа не было. Только тикали часы на стене — громко, размеренно, как отсчет времени до чего-то неизбежного.

Аня пошла на звук. Комната была открыта, и в ней горел свет — тусклая лампа на тумбочке освещала кровать, на которой лежала женщина. Та самая, которую Аня видела в виде-нии. Только теперь она не сидела на кухне с ножом. Она лежала, и в руке у нее была не нож, а что-то другое. Что-то блестящее, металлическое.

Кровь.

Аня увидела ее не сразу — сначала блеск лезвия, потом красное на белой простыне, потом лужицу на полу, которая медленно расползлась, впитываясь в дешевый ковролин.

— Нет, — прошептала Аня и бросилась вперед.

Женщина была еще жива. Глаза ее были открыты, смотрели в потолок, губы шевелились, как будто она читала молитву. На левом запястье — глубокая рана, из которой хлестала кровь. Нет, не хлестала — текла ровно, спокойно, как будто тело уже смирилось и не сопротивлялось.

— Держи! — крикнул Айдын, появившийся в дверях. Он рванул к шкафу, выдернул простыню, начал перетягивать руку выше раны. Аня схватила женщину за другую руку, сжала, пытаюсь удержать ее здесь, в этом мире, не дать уйти.

— Не смей! — кричала она. — Не смей умирать! Слышишь?!

Женщина повернула голову, посмотрела на Аню мутными глазами. В них не было страха, не было боли. Было только одно — усталость. Бесконечная, всепоглощающая усталость, которая хуже любой раны.

— Оставьте, — прошептала она. — Я хочу к нему.

— К кому? — спросила Аня, чувствуя, как внутри холодеет.

— К сыну. Он умер. Три года назад. А я все еще здесь. Зачем? Зачем я здесь?

Аня смотрела в ее глаза и понимала. Не умом — сердцем, той частью, которая слышала боль. Эта женщина потеряла ребенка. Не кабарга — живой ребенок, мальчик, который разбился, утонул, заболел — Аня не знала. Но боль была такой же огромной, как у той кабарги. Может быть, даже больше.

— Твой сын не хочет, чтобы ты умирала, — сказала Аня. — Он хочет, чтобы ты жила.

— Откуда ты знаешь? — прошептала женщина.

Аня закрыла глаза. И вдруг увидела. Мальчика. Лет двенадцати, с веснушками на носу и вечно взлохмаченными волосами. Он стоял за спиной женщины, положив руки ей на плечи, и плакал. Тихо, беззвучно, как плачут только духи.

— Скажи маме, — прошептал он. — Скажи, что я люблю ее. Скажи, что мне хорошо. Скажи, чтобы она не приходила. Еще рано.

Аня открыла глаза.

— Он здесь, — сказала она. — Твой сын. Он стоит за твоей спиной. Он просит тебя не уходить. Еще рано, говорит.

Женщина замерла. Потом медленно, с трудом, приподнялась на локтях. Кровь все еще текла, но Айдын перетянул руку туго, и поток ослаб.

— Саша? — позвала женщина в пустоту. — Сашенька, ты здесь?

Аня чувствовала, как мальчик кивнул. Как он прижался к матери сзади, обнял, хотя обнять мог только дух — невесомо, почти неощутимо. Но женщина, кажется, почувствовала. По ее щекам потекли слезы — первые живые слезы за долгое время.

— Не уходи, — прошептала она. — Пожалуйста, не уходи.

— Он не уходит, — сказала Аня. — Он всегда с тобой. Но ты должна жить. Для него. Чтобы он мог смотреть на тебя и радоваться. А не плакать.

— Я не знаю как, — прошептала женщина. — Я забыла, как это — жить.

— Начни с малого. Сделай шаг. Потом еще один. Я помогу.

Айдын уже вызвал скорую. Сирена слышалась где-то далеко, приближалась. Женщина смотрела на Аню, и в ее глазах постепенно, очень медленно, загорался свет. Слабый, крошечный, но живой.

— Кто ты? — спросила она.

— Я та, кто слышит, — ответила Аня.

Скорая забрала женщину. Аня и Айдын дали показания — пришли, увидели, позвонили. Врач, молодой, с усталым лицом, мельком взглянул на Аню, на ее шрамы, но ничего не сказал. Только спросил:

— Вы ее знаете?

— Нет, — ответила Аня. — Но она теперь будет жить.

— Будет, — кивнул врач. — Рана неглубокая, успели вовремя. Спасибо.

Они вышли на улицу. Было уже светло — серое, тоскливое утро, без солнца, без надежды. Аня стояла на крыльце и смотрела на свои руки. Они были в крови. Чужой крови. Женщины, которая хотела умереть, но не умерла.

— Ты как? — спросил Айдын, подходя ближе.

— Не знаю, — ответила Аня. — Я не чувствую себя героем. Я чувствую себя... грязной.

— Это пройдет.

— Пройдет? — Аня посмотрела на него. — Айдын, я только что видела мертвого мальчика. Он стоял за спиной своей матери и плакал. А я сказала ей, что он здесь. Я сказала правду. Но имеет ли право живой знать правду о мертвых?

— Ты не выбирала этот дар, — сказал Айдын. — Ты просто им пользуешься. Как можешь.

— А если я ошибусь? Если скажу не то? Если сделаю хуже?

— Тогда ты ошибешься. И будешь жить дальше. Как все.

Они пошли домой. По дороге Аня молчала, но в голове ее роились мысли, как потревоженные пчелы. Она спасла женщину. Да. Но какой ценой? Она увидела мертвого мальчика. Она говорила с ним. И он говорил с ней. Это было правильно? Или это был первый шаг к безумию?

Дома Татьяна уже проснулась, пила чай на кухне. Увидев Аню с окровавленными руками, побледнела.

— Аня! Что случилось?!

— Все в порядке, мам, — сказала Аня, проходя в ванную. — Не волнуйся.

Она долго отмывала руки. Вода была ледяной — горячую отключили, как всегда зимой. Она терла кожу щеткой, пока она не покраснела, пока не стало больно. Кровь не смывалась. Ей казалось, что она въелась в поры, в каждую трещинку, и останется там навсегда.

— Перестань, — сказал Айдын, входя в ванную. — Хватит.

Он взял ее за руки, отнял щетку. Аня смотрела на него, и по щекам текли слезы. Она не плакала — слезы текли сами, без ее воли.

— Я испугалась, — прошептала она. — Не за нее. За себя. Я увидела его. Мальчика. Так ясно, как вижу тебя. Он был настоящим. Но он был мертв. А я его видела. Как живого.

— Ты видишь то, что другие не видят, — сказал Айдын. — Это не безумие. Это дар.

— А если это начало? Если я буду видеть их все больше и больше? Если они заполнят весь мир, и я перестану видеть живых?

— Не заполнят. Ты сильная.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, — сказал он и крепче сжал ее руки. — Я видел тебя на озере. Видел, как ты пела. Тени уходили. Они слушались тебя. Это не безумие. Это власть.

Аня покачала головой.

— Я не хочу власти. Я хочу тишины.

— Тогда зачем ты пошла к той женщине? — спросил Айдын. — Ты могла остаться дома, закрыть глаза, заткнуть уши. Но ты пошла. Потому что не можешь иначе. Потому что тишина для тебя — это когда никому не больно. А это невозможно.

Аня посмотрела на него долгим взглядом. В его глазах была правда, и она была горькой.

— Ты прав, — сказала она. — Я не могу иначе. Но от этого не легче.

— Легче не будет, — согласился Айдын. — Но ты не одна.

Он обнял ее. Просто, по-дружески, без лишних слов. Аня уткнулась лицом в его свитер и выдохла. Кровь на руках высохла, превратилась в коричневые разводы. Но внутри, в самом центре, что-то сдвинулось. Отступило. Ненадолго, но отступило.

Через два дня Аня начала поиски.

Она знала только имя — Аня. И то, что эта девушка живет в том же городе, что и она. И что ее отец умер три года назад и не может уйти, потому что дочь не отпускает.

Город был большим. Полмиллиона людей. Найти одну девушку по имени Аня — все равно что иголку в стоге сена. Но Аня чувствовала, что должна. Не потому что мертвый попросил. А потому что где-то там, в одной из тысяч квартир, человек медленно умирал от горя. И она могла это остановить.

— С чего начнем? — спросил Айдын.

Они сидели на кухне, пили чай. Татьяна ушла на работу, оставив их вдвоем.

— Я не знаю, — призналась Аня. — У меня нет ни адреса, ни фамилии. Только имя. И то, что отец умер три года назад.

— Может, поискать по базам данных? У твоей мамы есть знакомые в полиции?

— Вряд ли. Она бухгалтер.

Айдын задумался.

— А что, если... — начал он и замолчал.

— Что?

— Ты можешь попробовать найти ее через отца. Позвать его. Спросить, где она живет.

Аня похолодела.

— Позвать мертвого? Сама? Без Тулбэра?

— Ты сильнее, чем думаешь. Ты уже видела его на озере. Он пришел к тебе. Значит, он хочет говорить. Может, придет и сейчас.

— Или придет что-то другое, — прошептала Аня. — Не все, кто приходят на зов, добрые.

— Тулбэр дал тебе амулет. Он защитит.

Аня коснулась костяной фигурки на шее. Кабарга была теплой, как всегда. Она закрыла глаза и попыталась сосредоточиться. Представить того мужчину в плаще, с пустыми глазами. Позвать его.

— Приди, — прошептала она. — Приди, если слышишь. Мне нужна помощь.

Тишина. Только тикали часы на стене.

— Приди, — повторила она громче.

Ничего.

— Не получается, — сказала Аня, открывая глаза. — Он не приходит.

— Может, он приходит только ночью? Или на озере? — предположил Айдын.

— Не знаю. Может, он боится. Или не хочет. Или я не умею.

Она встала, прошлась по кухне. Мысли метались, как звери в клетке. Нужно было что-то делать. Но что?

— Есть еще один способ, — сказал Айдын негромко.

— Какой?

— Тулбэр учил меня. Иногда духа можно призвать через кровь. Не жертвенную — свою. Каплю. На амулет.

Аня посмотрела на него. В глазах его была тревога — он сам не был уверен, что это правильно.

— Ты серьезно?

— Это опасно. Кровь — это сила. Она привлекает не только тех, кого ты зовешь. Но если ты готова...

Аня взяла со стола нож. Острый, кухонный. Посмотрела на лезвие, на свое отражение в металле — искаженное, страшное.

— Дай мне, — сказал Айдын, протягивая руку. — Я сделаю.

— Нет, — ответила Аня. — Сама.

Она уколола кончик пальца. Боль была острой, но короткой. Выступила капля крови — ярко-красная, живая. Аня сняла амулет, капнула кровью на костяную фигурку, надела обратно.

— Приди, — сказала она, сжимая амулет в кулаке. — Приди, прошу тебя.

И он пришел.

Воздух в кухне стал холодным. Не просто прохладным — ледяным, как в морге. Аня видела свое дыхание. Айдын рядом замер, положил руку ей на плечо.

Тень появилась из угла, там, где стена сходилась с потолком. Она была плотной, почти осязаемой, с четкими очертаниями. Мужчина в плаще. Тот самый.

— Ты звала, — сказал он. Голос его был глухим, как из-под земли.

— Да, — ответила Аня, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Мне нужно найти твою дочь.

Где она живет?

— Зачем тебе?

— Ты сам просил помочь. Я хочу поговорить с ней. Сказать то, что ты не можешь.

Тень молчала долго. Потом ответила:

— Улица Ленина, дом 15, квартира 38. Она там одна. Никого не впускает. Не ест, не пьет. Ждет меня.

— Я приду, — сказала Аня.

— Будь осторожна, — сказала тень. — Она не одна.

— Что значит — не одна?

— Там есть другие. Те, кто приходит к тем, кто долго ждет. Они хотят забрать ее. Увести за собой. Ты должна быть быстрее.

Тень начала таять.

— Постой! — крикнула Аня. — Как ее фамилия? Как ее зовут полностью?

— Аня Ковалева, — ответил голос из пустоты. — Скажи ей, что папа любит. Всегда любил.

И он исчез.

Аня стояла посреди кухни, дрожа от холода. Айдын обнял ее, прижал к себе.

— Ты справишься, — сказал он. — Мы вместе.

— Ты слышал? — спросила Аня. — Она не одна. Там что-то есть. Что-то, что хочет ее забрать.

— Слышал. Значит, мы должны быть готовы.

Улица Ленина, дом 15, оказался старой пятиэтажкой на окраине города. Не хрущевка, а сталинка — с высокими потолками, широкими лестницами и тяжелыми дверями. Подъезд был чище, чем в других домах, но запустение чувствовалось во всем — облупившаяся краска, пыльные стекла, запах сырости.

Аня и Айдын поднялись на третий этаж. Квартира 38 была в конце коридора, и уже издали Аня почувствовала странное — воздух перед дверью был плотным, как желе. Он давил на уши, на глаза, на кожу.

— Чувствуешь? — спросил Айдын.

— Да, — ответила Аня. — Здесь что-то не так.

Она подошла к двери, постучала. Тишина. Постучала громче.

— Аня! — крикнула она. — Открой! Я от твоего отца!

Молчание. Потом из-за двери донесся звук — тонкий, высокий, похожий на плач. Не человеческий плач — другой, звериный.

— Уходите, — прошептал голос из-за двери. Слабый, надорванный. — Пожалуйста, уходите. Я не хочу никого видеть.

— Я знаю, что твой отец умер, — сказала Аня, прижимаясь лбом к холодной двери. — Я видела его. Он просил передать, что любит тебя. Всегда любил. И просит тебя жить.

— Врешь, — прошептал голос. — Ты не видела его. Никто не видел. Он ушел. Он бросил меня.

— Он не бросил. Он рядом. Всегда рядом. Но он не может уйти, пока ты держишь его. Ты должна отпустить.

Из-за двери раздался крик. Не плач — крик, полный боли и ярости.

— Не смей! Не смей так говорить! Он вернется! Он обещал!

Аня почувствовала, как что-то внутри нее сжимается. Эта девушка, Аня Ковалева, была на грани. Не просто горя — безумия. Она создала себе мир, в котором отец жив, и жила в этом мире три года. Реальность для нее была врагом. И Аня пришла разрушить ее иллюзию.

— Открой дверь, — сказала Аня спокойно. — Пожалуйста. Я не уйду, пока не откроешь.
— Уйдешь, — прошипел голос. — Я заставлю.

И вдруг дверь распахнулась сама собой. Не от удара — просто открылась, как будто кто-то дернул ее изнутри невидимой рукой. В коридоре было темно, пахло гнилью и еще чем-то сладковатым, приторным.

Аня шагнула внутрь. Айдын — за ней, держа руку на груди, там, где под курткой висел его маленький бубен — подарок Тулбэра.

Квартира была запущена. Мебель сдвинута, на полу валялись осколки посуды, шторы сорваны. В воздухе висела пыль, густая, как туман. И среди этого хаоса, на полу, в углу комнаты, сидела девушка. Лет двадцати, худая, бледная, с длинными спутанными волосами и глазами, в которых не было ничего — ни страха, ни надежды, ни жизни. Только пустота.

— Уходите, — повторила она. — Или я закричу.

— Кричи, — сказала Аня, опускаясь на корточки напротив нее. — Я все равно не уйду.

— Ты не понимаешь, — прошептала девушка. — Он здесь. Он всегда здесь. Он смотрит на меня. Он ждет, когда я приду к нему.

— Кто — он?

— Тот, кто приходит по ночам. Он похож на папу, но это не папа. У него нет лица. Только глаза. Черные глаза. Он говорит, что папа там, у него. Что я должна прийти. Что мы будем вместе. Все вместе.

Аня похолодела. Она вспомнила слова отца-призрака: «Там есть другие. Те, кто приходит к тем, кто долго ждет». Это было оно. Нечто, принявшее облик умершего, чтобы заманить живого за грань.

— Это не твой отец, — сказала Аня твердо. — Это тень. Дух-обманщик. Он хочет забрать тебя.

— Мне все равно, — сказала девушка. — Я хочу к папе. Где бы он ни был. Даже если это не он. Я хочу уйти.

Она подняла руку, и Аня увидела — на запястье были старые шрамы, много шрамов. Некоторые зажили, другие еще сочились. Эта девушка давно пыталась уйти. И сегодня могла попытаться снова.

— Твой отец не хочет, чтобы ты умирала, — сказала Аня, чувствуя, как внутри поднимается что-то горячее, отчаянное. — Он просил передать. Он сказал: «Скажи ей, что папа любит. Всегда любил».

Девушка замерла. В ее пустых глазах мелькнуло что-то — тень чувства, проблеск.

— Он так сказал? — прошептала она.

— Да. И он сказал, что не уйдет, пока ты не отпустишь. Ты держишь его здесь, Аня. Твоя боль держит его. Он не может уйти, потому что ты не хочешь его отпустить.

— Я не могу, — заплакала девушка. — Если я отпущу его, он исчезнет навсегда. Я останусь одна.

— Ты и так одна, — жестко сказала Аня. — Ты сидишь в этой квартире три года, не ешь, не пьешь, не видишь солнца. Ты уже умерла, только тело еще живет. Отпусти его. Отпусти, чтобы он мог уйти с миром. И ты сможешь жить.

— Я не умею, — прошептала девушка. — Я забыла, как.

— Я помогу, — сказала Аня и протянула руку.

Она не успела коснуться.

Воздух в комнате сгустился, стал черным, непроницаемым. Свет погас — не лампочка перегорела, а именно тьма поглотила его, как живое существо. Аня почувствовала, как амулет на груди раскалился, обжигая кожу.

— Айдын! — крикнула она.

— Я здесь! — ответил он из темноты. — Держись!

Она услышала звук бубна — глухой, резкий, как удар сердца. Айдын начал бить в бубен, и звук этот разрывал тьму, не давая ей сомкнуться полностью.

В центре комнаты, там, где только что сидела девушка, появилась фигура. Высокая, тонкая, с длинными руками, которые касались пола. У нее не было лица — только черная гладкая поверхность, на которой, как звезды, горели два глаза. Белые, без зрачков, без выражения.

— Она моя, — сказала фигура. Голос шел отовсюду — из стен, из пола, из воздуха. — Я ждал три года. Она моя.

— Она не твоя, — ответила Аня, вставая между фигурой и девушкой. — Она живая. Ты не имеешь права.

— Право дает тот, кто зовет, — прошипела фигура. — Она звала. Каждую ночь. Каждую слезу. Она открыла дверь. Я вошел. Теперь она моя.

Фигура двинулась вперед. Аня почувствовала, как холод пронзает ее тело, как руки-ветви тянутся к ней, к девушке за ее спиной.

— Айдын! — крикнула она. — Громче!

Бубен забился быстрее, громче, ритм стал бешеным, как сердцебиение загнанного зверя. Аня закрыла глаза, сжала амулет и запела. Тот самый звук, который вырвался из нее на озере. Низкий, вибрирующий, идущий из глубины, где жила кабарга.

Она пела о жизни. О солнце. О снеге. О том, как хорошо дышать, когда ты жив. О том, как больно терять, но как важно продолжать идти. О том, что смерть — это не конец, а дверь, и открывать ее нужно только тогда, когда придет время. А время еще не пришло.

Фигура замерла. Белые глаза расширились, замигали, как лампочки перед тем, как перегореть.

— Ты не человек, — сказала она. — Ты — дверь. Ты открыта. Я могу войти в тебя.

— Попробуй, — ответила Аня, не прекращая петь.

Фигура бросилась на нее. Аня почувствовала удар — не физический, духовный. Что-то холодное, липкое, злое вонзилось в ее грудь, пытаясь прорваться внутрь, занять место там, где когда-то жила кабарга.

Но кабарги там больше не было. Там была Аня. И амулет. И память о том, что она пережила.

Боль была невыносимой. Аня закричала, но не остановила пение. Она пела сквозь крик, сквозь слезы, сквозь тьму, которая пыталась поглотить ее. Айдын бил в бубен, и каждый удар отбрасывал фигуру назад, не давая ей войти полностью.

— Уйди! — закричала Аня, открывая глаза. — Уйди! Она не твоя! Никто не твой! Убирайся в свою тьму и не возвращайся!

И фигура отступила. Сначала медленно, потом быстрее, растворяясь в воздухе, как дым. Глаза ее погасли последними — два белых пятна, которые моргнули и исчезли.

Свет вернулся. Лампочка на потолке горела тускло, но горела. В комнате было холодно, но уже не по-мертвому. Аня стояла на коленях, тяжело дыша, по лицу текла кровь — она прокусила губу, когда кричала.

Девушка сидела в углу, сжавшись в комок, и плакала. Но плакала она по-другому — не безнадежно, а очищающе, как плачут, когда боль наконец выходит наружу.

Айдын подошел к Ане, помог встать.

— Ты как?

— Жива, — ответила она хрипло. — А она?

Девушка подняла голову. В ее глазах больше не было пустоты. Была боль, была усталость, но была и жизнь.

— Кто ты? — спросила она.

— Я та, кто слышит, — ответила Аня. — Та, кто пришла помочь.

— Он ушел? — спросила девушка. — Тот, с белыми глазами?

— Ушел. Он больше не придет.

— А папа?

Аня закрыла глаза. И увидела. Мужчина в плаще стоял за спиной девушки, положив руки ей на плечи. Он улыбался. Впервые за все время Аня видела его улыбку.

— Скажи ей, — прошептал он. — Скажи, что я горжусь. Что она сильная. Что я люблю ее. И что я ухожу. Теперь могу.

Аня открыла глаза.

— Он здесь, — сказала она. — Он говорит, что гордится тобой. Что ты сильная. И что он уходит. Теперь он может уйти с миром. Потому что ты отпустила.

Девушка заплакала снова, но сквозь слезы улыбнулась.

— Спасибо, — прошептала она. — Спасибо тебе.

— Не за что, — ответила Аня. — Теперь тебе нужно жить. По-настоящему. Есть, пить, выходить на улицу. Он хотел бы этого.

— Я попробую, — сказала девушка.

— Не пробуй. Делай.

Аня повернулась и пошла к выходу. Айдын — за ней. На пороге она обернулась.

— Если будет трудно — звони. Я помогу.

Она оставила свой номер на клочке бумаги, который нашла в кармане. Девушка сжала его в кулаке и кивнула.

Они вышли на улицу. Был уже вечер, снова темнело. Начался снег — легкий, редкий, кружащийся в свете фонарей. Аня шла, не разбирая дороги, и слезы текли по ее лицу, смешиваясь со снежинками.

— Ты чего? — спросил Айдын, догоняя.

— Не знаю, — ответила Аня. — Плачу. Сама не знаю почему.

— От облегчения.

— От всего. От боли. От того, что я вижу. От того, что я не могу спасти всех. Их так много. А я одна.

— Ты не одна, — сказал Айдын. — Я с тобой.

Она остановилась, повернулась к нему. Снег падал на его плечи, на волосы, на ресницы. Он был красивым. Не по-мальчишески, а по-мужски — сильным, надежным, как таежная сосна.

— Айдын, — сказала Аня.

— Что?

— Ты боишься меня? После того, что видел? После того, как я пела, и тьма отступала?

— Нет, — ответил он. — Я восхищаюсь тобой. Ты сильнее, чем любой шаман, которого я знал. Ты не училась этому. Ты просто... делаешь. Потому что не можешь иначе.

— Я схожу с ума, — сказала Аня. — Я это чувствую. Границы стираются. Я уже не понимаю, где живые, где мертвые. Они все для меня настоящие. И те, и другие.

— Это не безумие, — сказал Айдын. — Это прозрение. Ты видишь мир таким, какой он есть. Полным духов, теней, боли и любви. Большинство людей закрывают глаза. Ты — нет. Это трудно. Но это не болезнь.

Он взял ее за руку. Руки его были теплыми, несмотря на мороз.

— Пойдем домой, — сказал он. — Тебе нужно отдохнуть.

— Домой, — повторила Аня. — А где он, дом?

— Там, где тебя ждут, — ответил Айдын.

Они пошли по заснеженной улице, держась за руки. Снег все падал и падал, укрывая следы, делая мир чистым и белым, как будто ничего страшного не случилось. Как будто не было крови, и тьмы, и белых глаз без зрачков.

Но Аня знала. Это было. И это будет снова. И снова. Потому что она — та, кто слышит. И она не может закрыть уши. Не может отвернуться. Может только идти вперед, туда, где боль зовет ее, где тени ждут, где кто-то умирает от одиночества и нуждается в том, чтобы кто-то просто сказал: «Я слышу тебя. Ты не один».

Они вернулись домой поздно. Татьяна уже спала, оставив на столе ужин и записку: «Ешьте и ложитесь. Завтра поговорим».

Аня не могла есть. Села на кухне, смотрела в окно на падающий снег. Айдын сидел рядом, молчал, не мешал.

— Айдын, — сказала она вдруг.

— Мм?

— А что, если в следующий раз я не смогу? Если та тень будет сильнее? Если она войдет в меня, как тогда кабарга, но будет не кабаргой, а чем-то злым?

— Тогда я буду рядом, — ответил он. — И помогу. Ты не одна, я же сказал.

— А если ты не справишься? Если ты пострадаешь? Или умрешь? Из-за меня?

Айдын повернулся к ней, взял за подбородок, заставил смотреть в глаза.

— Слушай меня, — сказал он твердо. — Я сам выбрал этот путь. Сам решил ехать с тобой. Сам буду защищать тебя. Если я умру — это будет моя смерть. Не твоя вина. Ты поняла?

Аня смотрела в его глаза, и в них не было страха. Была решимость. И что-то еще, что заставляло сердце биться чаще.

— Поняла, — прошептала она.

— Тогда не бойся. Иди спать. Завтра новый день.

Она встала, пошла в свою комнату. Легла, укрылась одеялом, но сон не шел. Перед глазами стояла та девушка — Аня Ковалева, с пустыми глазами и старыми шрамами на запястьях. Аня подумала: «Я могла быть на ее месте. Если бы не мама. Если бы не Тулбэр. Если бы не Айдын. Я могла бы сидеть в темной квартире и ждать смерти. Но я не сижу. Я здесь. Я живу. Странно, больно, но живу».

Она закрыла глаза. И в темноте увидела кабаргу. Белую, как снег, с черными глазами. Та стояла на краю леса и смотрела на нее.

— Ты пришла? — прошептала Аня.

— Я всегда здесь, — ответила кабарга. — Я — твоя тень. Твоя сила. Твоя боль. Не забывай обо мне.

— Я не забуду.

— Тогда спи. Завтра будет новый бой.

Кабарга растаяла. Аня провалилась в сон — глубокий, без сновидений, похожий на смерть. Но утром она проснулась. Живая. И готовая к новому дню.

Она проснулась оттого, что в окно светило солнце. Январское, низкое, но яркое. Снег на подоконнике искрился, переливался всеми цветами радуги. Аня лежала, смотрела на этот свет и чувствовала, как внутри что-то меняется.

Боль не ушла. Она осталась — но стала другой. Не острой, не режущей, а тупой, фоновой, как шум далекого моря. Аня знала, что эта боль будет с ней всегда. Но она научилась с ней жить. Не бороться — сосуществовать.

Она встала, подошла к зеркалу. Шрамы на лице были бледно-розовыми, заживали. Они делали ее лицо некрасивым — но это было ее лицо. Ее история. Ее карта.

— Ты сильная, — сказала она своему отражению. — Ты справишься.

В дверь постучали.

— Аня, — раздался голос Айдына. — Вставай. Татьяна Петровна блины печет.

— Иду, — ответила Аня.

Она оделась, вышла на кухню. Там пахло мукой, молоком, теплом. Татьяна хлопотала у плиты, Айдын накрывал на стол. Обычное утро. Обычная жизнь.

— Доброе утро, — сказала Аня, садясь за стол.

— Доброе, доча, — улыбнулась Татьяна. — Как спалось?

— Хорошо. Впервые за долгое время хорошо.

Она взяла блин, откусила. Вкусно. Просто, тепло, по-домашнему. Аня смотрела на мать, на Айдына, на снег за окном, и чувствовала, как внутри разливается спокойствие.

Ненадолго. Она знала, что это ненадолго. Что где-то там, в городе, в тайге, в другом мире, ждут те, кому нужна помощь. Те, кто слышит кабаргу. Те, кто носит боль и не может ее отпустить.

Но сейчас, в эту минуту, она была просто Аней. Девушкой со шрамами на лице и даром в душе. Девушкой, которая ест блины и смотрит на снег. Девушкой, которая живет.

— Спасибо, — сказала она вслух. Не маме, не Айдыну, не кабарге. Просто — миру. За то, что он есть. За то, что она в нем есть. За то, что она может слышать.

Снег падал за окном. Солнце светило. И жизнь продолжалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.